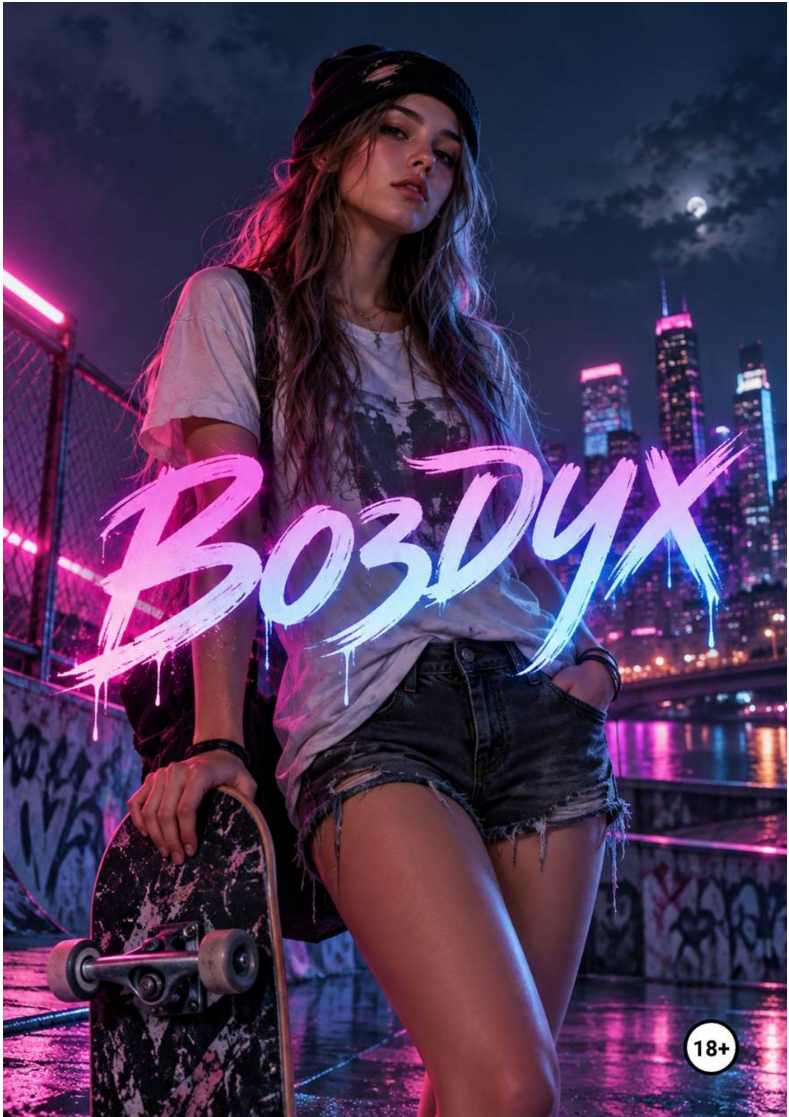

ВОЗДУХ
18+

Анастейша Ли
Воздух

https://litres.ru/74721578
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мне было два я потеряла отца в автокатастрофе, а шесть чуть не лишилась своего пушистого лучшего друга.

Один несносный мальчишка, с глазами цвета переспевшей черники, посчитал забавным поджечь его картонный домик, которые я для него соорудила собственными ручками. Он хотел привлечь мое внимание. Тем самым привлек только боль и страх. Мальчика отправили в интернат, а я продолжала захлебываться этими воспоминаниями изо дня в день.

После того случая прошло двенадцать лет, долгих и мучительных. Я выросла и заканчиваю в школу, у меня образовалась астма, липкая... пугающая с каждым новым приступом все больше. Я справлялась с этим долгих двенадцать лет, пока в наш город не вернулся он...

Но он ведь теперь не сможет заменить мне воздух, правда?

Содержание

Глава 1. Алиса в стране несбывшихся мечт. 4
Глава 2. Аристотель Князев. 14
Глава 3. По ту сторону ненависти 43
Глава 4. На одном дыхании 52
Глава 5. Осколки памяти 70
Глава 6. На грани ненависти 78
Глава 7. Тот угасший свет 108
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Анастейша Ли
Воздух

Глава 1. Алиса в стране несбывшихся мечт.

В это очень сложно поверить, но за свои семнадцать лет я пережила, пожалуй, больше, чем некоторые люди за всю свою жизнь. Я рано потеряла отца, меня буллили в школе, с матерью всегда были напряженные отношения, а про отношения с парнями я вообще молчу. Серая, зашуганная мышь, к тому же, ещё и неизлечимо больна. Зачем парням нужна такая абуза?

Всего лишь год назад я решила, что хочу стать ярче и свободнее. Я увлеклась скейтбордом, начала участвовать волонтерстве, помощи людям и животным — хотя мне это даётся непросто. У меня астма, и любые физические нагрузки для меня нежелательны: пыль, резкие запахи, да и сам спорт могут спровоцировать приступ. А вечером... Вечером меня поглощает трасса. Иногда я участвую на мотогонках в период ремиссий. Мотоцикл мне дает – Матвей. Мой курчавый друг с большущими голубыми глазами.

Из-за этого у нас с мамой часто возникают ссоры.

Она говорит: — Я тебе что, зря покупаю эти дорогущие баллончики?

А я отвечаю: — Я же не прошу тебя их покупать. Я сама могу заработать на всё, что мне нужно. Интересно, что было бы, если бы она узнала, что я ещё и гоняю.

И поэтому я работаю.

В общепите.

Официанткой.

Я благодарна этой работе только за одно — здесь я встретила Иллу, свою напарницу и, пожалуй, уже близкого мне человека. Я очень к ней привязалась: она всего на год старше меня, но иногда говорит такие мудрые вещи, что невольно задумываешься. У Иллы длинные русые волосы, которые она часто закалывает крабиком, и синевато-серые глаза, придающие ей какой-то загадочный, почти притягательный образ.

Что касается меня, то у меня русые волосы с пепельными прядками. Как говорила бабушка моего бывшего друга по соседству: «Меня так мой ангел поцеловал». В детстве пряди были просто светлее, а с возрастом приобрели слегка желтоватый оттенок. Глаза у меня карие, с тёмной обводкой, похожей на виньетку. А зовут меня...

— Лиса, если что, мой байк у бати в гараже, ты знаешь, — восторженно пробормотал Матвей.

Я ему уже успела сообщить, что приступов не было полторы недели, я дышу свободной грудью, в коем то веке и могу смело отпраздновать сие событие так, как я хочу!

— Ох, Мотя, я бы с радостью! — уставшей промямлила я. — Надеюсь удастся выбраться сегодня вечером втайне от мамоньки.

Мы задорно захихикали, совсем как дети. В этот момент к нам подошёл ещё и третий — Саня Тишин, он живёт через дом от меня, так что мы быстро сдружились.

Саню вполне можно назвать типичным ботаном, разве что очков он не носит. Это именно я привела Саню в нашу отчаянную компанию, хотя остальные ребята поначалу воротили нос, мол, он какой-то не такой. Но со временем они его приняли, и даже стали прислушиваться к его занудным советам.

Но именно сейчас... Сейчас Саня выглядит каким-то озабоченным, словно таит в себе какой-то секрет. Что же, вещай, мой старый приятель.

— Алиса, ты не поверишь, кого я только что встретил! — озабоченно парировал Тишин, его голос слегка издал писк в самом конце, словно эта встреча его сильно взволновала.

— Вещай, друг, — холодно произнесла я, не подавая никакого интереса к интересу, хотя внутри действительно все трепещало.

— Князев, представляешь, — буркнул Саша, подключив к своему рассказу жесты. — Ему ба дом по наследству оставила, вот он и вступил в него, теперь будет один жить, как царь. Он же совершеннолетний уже.

Я невольно выпячиваю губы вперёд, изображая дикий интерес, слегка покачивая головой.

— Это который поджег моего кота двенадцать лет назад? — парировала я прищурив взгляд.

— Ага, его ба жила между моим и твоим домом, — промямлил Саша уже без особого энтузиазма.

— Что происходит, ребят? Поговорить с этим Князевым? — влез в наш разговор Мотя.

— Пф, брось, Мотя, — начала я, искривив лицо от недоумения. — Мне тогда было пять или шесть, а этот засранец только в школу пошел, он уже и забыл наверно о той выходке!

«Арис Книзев, может быть, и забыл, а вот я — нет», — снова и снова прокручиваю я это у себя в голове, будто пытаюсь удержать мысль, которая вот-вот ускользнёт.

Эти слова не дают мне покоя: в них слишком много обиды, слишком много памяти, от которой не так-то просто отмахнуться. Он, возможно, уже давно вычеркнул это из своей жизни, а я всё ещё помню каждую деталь, каждое слово, каждый взгляд. И именно это не позволяет мне спокойно переварить тот факт, что Арис Князев вернулся!

Помню, как мы дружили в детстве... Где-то год с небольшими.

До тех самых пор, пока он не поджег картонный домик моего кота.

Кот выжил, а осадок от пепла его обгоревшего хвостика осел в моей душе навсегда.

Как оказалось, он не хотел меня тогда сильно травмиро-

вать физической расправой, но хотел меня за что-то наказать.

За то, чего я не совершала. Мне было шесть, и я до сих пор не понимаю, что тогда могла совершить, за что расплатился мой Персик.

Аристотель, кажется, старше меня на всего на год или два, он должен был окончить учебу а прошлом году. Но неужели он никуда не поступил? Зачем он вернулся? Он продолжает мне за что-то мстить? Нет уж, этого я не позволю!

— Так, Алиса... — серьёзно начал Саня, спустив меня с небес на землю своим тоном. — Только давай ты не будешь воевать в одиночку?!

— Ну что вы ребята, — начала я, ехидно улыбнувшись. — Мальчик не переживет эту войну, вам его не жалко? Мне уже пора, надо готовиться ещё к гонке.

Я вскинула взгляд на Саню, который всегда был против моих увлечений, и упорхала в строну жилых домов.

***

— Ну и что ты уставился? — вскинул Мотя на Саню. — Да, я снова даю ей свой байк.

— Ты же знаешь, что ей нельзя! Ее убьет либо дорога, либо пыль от нее! — Парировал Саня. — А если приступ начнется во время гонки? Ты подумал?

— Лиса сказала, что все под контролем, не ной! — борзо заявил Матвей, резко встав со скамьи, и ушел вслед за Алисой, слегка задев Саню плечом.

***

Домой я вернулась уже в потемках. Живот дико урчал от голода, но возвращаться мне совсем не хотелось — я боялась столкнуться с Арисом лицом к лицу.

Я уже проходила мимо этой ржавой оливковой машины, будто вросшей в землю корнями, пожалуй, уже миллион раз. Она всегда стоит около покосившегося забора.

Именно в этом доме жила бабушка Ариса. Именно она когда-то сказала ту самую фразу про ангела и про то, почему у меня седые пряди. Она всегда относилась ко мне с любовью и трепетом — до тех пор, пока ее внук не сжег все эти теплые воспоминания дотла.

Но сегодня мне, кажется, повезло: он, видимо, где-то шляется со своими друзьями из прошлого, а я уже успела забрести в свой ухоженный двор, где на сочном газоне раскинулся красивый небольшой водоём.

— Ой, нет-нет-нет, даже не начинай! — затараторила я, пытаясь предугадать слова своей мамы. Она сидела за столом и лениво водила пальцем по золотой кайме белой чашки с остывшим чаем.

— Я и не собиралась, — спокойно ответила она, чуть приподняв брови. — Ты ведь уже взрослая.

От этого её «взрослая» мне почему-то сразу захотелось то ли топнуть ногой, то ли залезть под стол. Обычно за этим словом следовал такой список претензий, после которого я чувствовала себя лет на шесть.

Я замерла в ожидании отчитывания за позднее явление, но не дождавшись, шагнула в сторону лестницы, которая вела в мою комнату, лишь буркнув вскользь:

— Угу.

Я откопала в самом дальнем углу шкафа свой тяжеленный мешок со шлемом — он уже успел покрыться приличным слоем пыли. Аккуратно, стараясь не шуметь, вылезла через окно на пожарную лестницу: еще одной лекции от мамы без единого слова (от которых почему-то еще стыднее) я бы сегодня не вынесла. И вот он — идеальный асфальт корта. Оглядываю толпу и сразу замечаю Мотю. Он уже пригнал для меня свой байк. Завидя меня, расплывается в улыбке, я машу ему рукой и бегом бросаюсь к ребятам.

— Смотри не задохнись по дороге! — язливо кто-то буркнул из толпы.

Это был женский голос — очень похожий на голос Луизы Ким, самой злобной девчонки в моей школе. И, что удивительно, все вокруг почему-то готовы ей угождать, будто она у них на особом счету. Наверное, именно поэтому она меня и не любит. За то, что я не из таких.

Меня вообще часто не любят за то, что я не подчиняюсь. Я не тот человек, которого можно согнуть под чужую волю. Не гибкий солдатик, которым удобно помыкать.

И вот она — моя страсть — стоит сейчас напротив меня и смотрит своими стеклянными глазищами прямо в самую глубь моей души. Моя рысь. Моя свобода от глупых обязательств, от суеты и лишних слов. Конечно же, я сейчас о мотоцикле.

Я села на мотоцикл, завела мотор — и воздух тут же наполнился его низким, гулким рычанием. Затем я плавно выехала на трассу. Но путь мне тут же перегородил Дани — главный администратор наших гонок.

— Ой нет, Дани, даже не начинай! — затараторила я, предугадывая его занудство.

— Мы, кажется, с тобой об этом говорили, Алиса! — начал он, сместив свои тощие брови в одну кучу. — У меня из-за тебя будет проблемы!

— Да брось, Дани, мне исполнится восемнадцать через пару недель!

— Слушай сюда, Лиса. Во-первых, не через пару недель, а через пару месяцев! — Дани ткнул в меня своим костлявым пальцем, едва не попав в глаз. — А во-вторых…

Он хотел добавить что-то еще, наверняка собираясь вывалить на меня очередную порцию нравоучений, но не успел. Тишину тренировочного трека разорвал истошный вопль. Какой-то парень, сорвав голос, орал так, будто за ним гна-

лась сама смерть:

— Волки! Волки!

Я напряглась. «Волки» — так мы называли полицейский патруль. И если они здесь, значит, наш вечер официально перестал быть томным.

— Ну вот видишь, всё решилось само собой! — съязвила я вскользь улыбнувшись.

Я схватила чёрный шлем, который висел на руле и двинулась вперед.

Где-то вдалеке уже завыли сирены — сначала глухо, почти неразборчиво, но с каждой секундой их вой становился всё громче, всё ближе, разрывая ночную тишину. Веселье закончилось. Началась охота.

Я мчалась по дороге, и ветер яростно рвал волосы из-под шлема, заставляя их метаться в безумном танце. Я на мгновение повернула голову в сторону бегущей толпы — и увидела его. Того самого монстра, чьи глаза когда-то выжгли клеймо на моём сердце.

В этот миг время будто остановилось. Воспоминания нахлынули с новой силой, возвращая всё, что было, и безжалостно напоминая: прошлого не изменить. Эти глаза, цвета переспевшей черники, я узнаю из тысячи.

Не помню, как вообще добралась до дома. Мотоцикл так и бросила у гаража Мотиного отца — сил не было даже на подножку поставить.

Всё вокруг как в тумане, будто я снова та маленькая де-

вочка, хотя прошло уже больше десяти лет.

Я ведь почти забыла его.

Лицо Князева стерлось из памяти, осталось только это смутное, неприятное ощущение чего-то детского, гадкого, отвратительного.

Но тот поступок… Он до сих пор стоит перед глазами, выжженный в сознании, как самая страшная детская травма.

Помню, как я тогда кричала. Казалось, мой визг разрывал тишину всей улицы. Мама примчалась на звук, схватила ведро и окатила Пушка ледяной водой из колодца — он, к счастью, был совсем рядом.

Его хвост успел прилично обгореть, шерсть дымилась, а этот ублюдок Князев уже исчез, только пыль столбом стояла.

Спусти столько лет я думала, что всё это осталось где-то в глубоком прошлом, но сегодня, увидев его черничные глаза, я снова почувствовала тот же животный ужас и беспомощность глядя в них.

Дверь скрипнула, и я тихонько пробралась в свою комнату, с мыслями о том, что пора уже наконец взять себя в руки и перестать ныть, думая о том, что было, пришло время для маленькой мести за своего Пушка, впереди вся ночь для ее реализации.

Глава 2. Аристотель Князев.

Странно: в доме стояла какая-то угнетающая тишина.

Сегодня вторник, уроки никто не отменял, а вылезать из-под тёплого, пышного одеяла совсем не хотелось. Мамы не было слышно — обычно она уже начинала ворчать, как только часы пробивали семь. А тут она опаздывала уже на целых двадцать минут.

Я встала, потянулась и, зевая, нащупала ногами холодный пол. В комнате было серо и тихо, будто дом тоже ещё не проснулся. Обычно в это время уже слышался звон посуды, шорох на кухне, мамино недовольное бормотание, а сейчас — ничего. Только тиканье часов, которое почему-то казалось слишком громким.Я накинула халат и вышла в коридор. Там тоже было пусто. Дверь в мамину комнату оказалась приоткрыта, и это сразу показалось странным: мама никогда не оставляла её так, будто боялась сквозняка или чужих глаз. Я осторожно заглянула внутрь — кровать была аккуратно застелена, на тумбочке стояла нетронутая чашка с остывшим чаем, а самого главного — мамы — не было.

Сердце неприятно ёкнуло.

— Мам? — позвала я негромко, хотя в ответ и не ждала ничего, кроме тишины. Никто не откликнулся.

Я прошла на кухню, потом в ванную, заглянула даже в кладовку, хотя понимала, что это глупо. Везде было пусто. На

столе лежала только записка, прижатая пустым граненным стаканом.

Осторожно развернув ее, я прочитала: «Алиса, хоть я и злюсь на тебя за вчерашнюю выходку, но все же, я люблю тебя. Убежала за продуктами. Увидемся после школы», с плечь словно камень рухнул.

Я убежала в школу, пока не вернулась мама, чтобы не видеть ее осуждающую гримасу.

Моя мама – Дарья Петровна, спокойная, тихая женщина, но по ее лицу можно прочитать все, что она думает прямо сейчас. Замолчит, но ведь итак все понятно по глазам. По ее серовато-зеленым глазам.

Отца я потеряла рано, знаю о нем только то, что он был неутомимым картежником. Однажды, по словам мамы, он чуть не проиграл весь наш дом, тогда ещё мы жили в городе, после смерти отца мы переехали к бабушке.

Я совсем его не помню, но чувствую, как сильно мне больно. Жизнь без отца бывает жестокой. Иногда мне кажется, что я просто в упоении в собственной боли. От воспоминаний которых нет.

Странно скучать по человеку, которого практически не помнишь.

Странно искать его черты в лицах прохожих, прислушиваться к чужому смеху и каждый раз разочаровываться, понимая, что это не он.

Но ещё страннее ненавидеть кого-то, кого помнишь слиш-

ком хорошо.

И, поверьте, с этим у меня никогда не было проблем.

Особенно когда речь заходила об Арисе Князеве.

Через двадцать минут я уже неслась по школьному коридору с расстёгнутой сумкой, в черной юбке-шорты, поверх которой вылезла белая рубаха, волосы распущены и растрепаны, несусь сломя голову с полупустым стаканчиком кофе и одной-единственной мыслью: если сегодня кто-нибудь ко мне пристанет, я не отвечаю за последствия.

Разумеется, Вселенная решила проверить, насколько серьёзно я настроена.

— Ой, смотрите, кто у нас тут!

Это был голос Луизы Ким, конечно.

Если бы у высокомерия было лицо, оно выглядело бы именно так: идеальная укладка, блестящие пухлые губы, юбка явно короче разрешённой и выражение превосходства, словно её лично назначили королевой этой проклятой школы.

По обе стороны от неё, как обычно, стояли две девушки, имена которых я принципиально не запоминала. Зачем? Они всё равно существовали исключительно для того, чтобы смеяться над её глупыми шутками, и совсем не важно, что они мои одноклассницы.

— Алиса, милая, — протянула Луиза, разглядывая меня с ног до головы. — Ты что, опять ночевала на автобусной остановке?

Её подружки захихикали.

Я сделала глоток кофе.

— Нет, Луиза. Просто сегодня решила выглядеть так, как ты выглядишь, когда пытаешься привлечь внимание очередного вонючего паренька.

Улыбка на её лице дрогнула.

Один — ноль.

— Какая же ты жалкая, — процедила она. — Хотя чего ещё ожидать от девочки, которая даже нормальную одежду позволить себе не может?

Я почувствовала, как что-то неприятно сжалось под рёбрами.

Деньги.

Вот уж тема, на которую Луиза могла говорить бесконечно.

Её родители могли купить полгорода, а моя мама всю мою жизнь считала каждый рубль. Я работала по вечерам в кафе, потому что счета не оплачивались сами собой, а мамино упрямство не позволяло ей просить помощи.

Но Луиза об этом не знала.

Или знала.

Что, в общем-то, было ещё хуже.

— Зато мне не приходится покупать себе друзей, — улыбнулась я. — Представляешь, какое преимущество?

Я обошла её, но она успела бросить мне вслед:

— Кстати, слышала? Князев вернулся.

Мои ноги остановились сами собой.

Всего на секунду.

Но, чёрт возьми, эта кикимора заметила.

— О-о-о, — протянула она с мерзкой улыбочкой. — Так ты в курсе?

Я повернулась.

— Мне должно быть это интересно?

— Ну не знаю. Говорят, он стал просто невероятным. Богатенький, красивый, спортивный … Хотя тебе, конечно, ничего не светит.

— Какое счастье, что я не коллекционирую самовлюблённых идиотов с отклонениями садиста.

Я ушла, не дожидаясь ответа.

Но имя уже засело в голове.

Арис Князев.

Я не слышала о нем долгих двенадцать лет

Точнее, старалась не слышать.

К вечеру я окончательно возненавидела человечество.

Особенно учителя алгебры.

Особенно Луизе хотелось пожелать чего-нибудь заразного.

И особенно самой себе — хорошенько выспаться и не встречаться с Аристотелем в этой жизни.

Но вместо сна меня ждали шесть часов на ногах, десятки грязных чашек и посетители, считающие, что слово «официантка» автоматически означает «личная прислуга с функци-

ей чтения мыслей».

Кафе «Ваниль» располагалось на углу старой улицы, в нескольких кварталах от школы. Небольшое, уютное, с деревянными столиками, тёплыми лампами и запахом свежей выпечки.

Единственное место в городе, где я действительно могла дышать.

Если, конечно, не считать подсобку.

Там пахло отбеливателем и отчаянием.

— А вот и наша принцесса депрессии!

Илла появилась из-за стойки с подносом в руках.

Моя лучшая подруга с недавних времен. Хотя изначально у нас была война за чаевые.

Девушка, обладавшая невероятной способностью выглядеть прекрасно даже после десяти часов работы. У неё всегда были аккуратно подведены глаза, волосы собраны в небрежный пучок, а настроение оставалось подозрительно хорошим.

Иллария старше меня всего на год. Пришла сюда работать сразу же после окончания школы. Совмещает забегаловку с мед. институтом. Как же это неразумно.

— Если ты сейчас попросишь меня улыбнуться, я ударю тебя этим меню, — предупредила я.

— Какая нежность. Я тоже тебя люблю.

Она поставила поднос и обняла меня одной рукой.

— Что случилось?

— Луиза Ким случилась.

— Опять?

— Она вообще когда-нибудь заканчивается?

Илла фыркнула.

— Ну, если верить законам природы, когда-нибудь должна.

— Надеюсь, скоро.

Я переоделась, завязала фартук и принялась за работу.

Первый час прошёл спокойно.

Второй — терпимо.

На третьем какой-то мужчина заявил, что его капучино недостаточно горячий, хотя от чашки поднимался пар, способный обжечь мне сетчатку.

На четвёртом я всерьёз задумалась о том, чтобы сбежать в монастырь.

А на пятом в кафе вошли трое идиотов.

Мои любимые идиоты.

— ЛИСА!

— Матвей, ещё громче, и я вызову экзорциста!

Он расплылся в улыбке.

Матвей был высоким, широкоплечим парнем с вечно растрёпанными курчавыми волосами и лицом человека, который придумал очередную глупость, но ещё не решил, кому первому о ней рассказать.

Рядом с ним стоял Тимур — его полная противоположность. Спокойный, темноволосый, с внимательными, выра-

зительными глазами, словно подведены черной подкой, и таким выражением лица, будто он заранее сожалел обо всём, что собирались сделать его друзья.

Замыкал компанию Саня.

Мой любимый ботаник без очков

И вечным ангелочком на моём плече, который твердит мне в ухо, что так нельзя.

— Девочки, мы соскучились! — объявил он, плюхаясь на диванчик.

— Вы были здесь вчера, — заметила Илла.

— А любовь не измеряется временем, крошка.

— Ещё раз назовёшь меня крошкой, будешь пить кофе через трубочку, — ласково ответила она, бросив дерзкую ухмылку.

Я расхохоталась.

Вот за это я их и любила.

С ними жизнь хотя бы иногда напоминала что-то нормальное.

— Нам как обычно, — сказал Тимур.

— То есть три кофе, два чизкейка и неоплаченный долг за прошлую пятницу? — уточнила я.

— Ты разбиваешь мне сердце, Алиса, — прижал руку к груди Матвей.

— Твоё сердце не проходит по кассе.

Я уже собиралась уйти, когда Саня вдруг наклонился вперёд.

— Вы вообще слышали главную новость?

— Если ты опять про свой выигрыш в онлайн-казино, то нет, — отрезал Тимур.

— Да пошёл ты. Я про Князева.

Поднос в моих руках едва заметно качнулся.

Илла посмотрела на меня.

Я сделала вид, что поправляю салфетки. Вышло, конечно, небрежно, но как есть.

— Какого ещё Князева? — спросила она.

— Ариса, конечно. Вернулся наш принц из столицы. И сегодня закатывает грандиозную вечеринку в доме своей покойной Ба.

Я медленно поставила поднос на стол.

— Мне это неинтересно

— Ну и правильно, пора забыть наконец-то старые обиды, — буркнул Саня.

Помню ли я?

О да.

Я помнила каждую чёртову ступеньку того дома

Высокий забор, который уже искосился.

Сад, в котором росли старые яблони.

И маленький сарай за домом.

Особенно сарай. Там мы прятали конфеты.

— Алиса? — осторожно позвала Илла.

— Что?

— Ты побледнела.

— Просто освещение отвратительное.

— Ты стоишь под жёлтой лампой.

— Значит, лампа отвратительная.

Саня, к счастью, не заметил ничего странного.

— Короче, там сегодня будет весь наш городок! Музыка, пицца, куча народу. Говорят, даже его друзья с Москвы приехали.

— И откуда тебе всё известно? — спросил Тимур.

Саня самодовольно улыбнулся.

— У меня связи.

— Ты подписан на него в социальных сетях, — уточнил Матвей.

— Не обесценивай мои связи!

Все засмеялись.

Кроме меня.

Потому что в моей голове уже начинало рождаться нечто совершенно прекрасное.

И абсолютно ужасное.

План.

Не очень хороший.

Возможно, даже идиотский.

Но разве лучшие идеи в моей жизни когда-нибудь отличались разумностью?

— А вы туда идёте? — спросила я как можно равнодушнее.

Три пары глаз мгновенно уставились на меня.

— Ты? — Матвей даже выпрямился. — На вечеринку Князева?

— А что?

— Да ты вечеринки ненавидишь.

— И Князева — парировал Саня.

— Людей я тоже ненавижу. Но вы ведь до сих пор живы. — Съязвила я.

— Справедливо, — признал Тимур.

Саня медленно расплылся в улыбке.

— Подождите-ка… А наша Алиса решила развлечься?

Я пожала плечами.

— Просто подумала, что неплохо бы иногда выходить из дома.

Илла прищурилась.

Она знала меня слишком хорошо.

И именно поэтому выглядела напуганной.

— Алиса, — тихо произнесла она, когда парни отвлеклись. — Только не говори, что ты задумала то, о чём я думаю.

— А о чём ты думаешь?

— О том, что у тебя сейчас лицо серийного убийцы, которому только что сообщили адрес жертвы.

Я улыбнулась.

— Какая фантазия.

— Алиса!

— Расслабься. Я всего лишь хочу поздороваться со старым знакомым.

Илла помолчала.

— Именно это меня и пугает.

Мне было всего лишь шесть

Арису — семь

У моего кота была рыжая шерсть, белые лапы и привычка засыпать у меня на груди, когда я плакала.

Его звали Персик.

Глупое имя.

Зато он был самым прекрасным существом во Вселенной.

Я нашла его однажды под дождём, совсем крохотного, дрожащего, с облезлым хвостом. Притащила домой в куртке и три дня умоляла маму разрешить оставить.

Мама согласилась.

А потом появился Арис.

Мальчик с дорогими игрушками, жестокими шутками и уверенностью, что весь мир существует исключительно для его развлечения.

Я помнила его смех.

Помнила запах дыма.

Помнила, как маленькое рыжее тело металось от страха.

И помнила огонь.

Я так и не смогла забыть тот день.

Взрослые говорили, что всё произошло случайно.

Что дети иногда совершают ужасные глупости.

Что Арис не хотел.

А я помнила его глаза. Черные, как и его душа.

И почему-то никогда им не верила.

После этого его семья уехала.

А я осталась.

С воспоминанием, которое не желало становиться прошлым.

Смена закончилась ближе к одиннадцати.

Я буквально выползла из кафе, еле переставляя ноги.

В спине ощущалось так, словно кто-то весь вечер бил по ней лопатой. Ступни горели, голова гудела, а единственным искренним желанием было лечь лицом в подушку и проснуться лет через пять.

Но месть, как известно, не терпит отлагательств.

Особенно если она ждала тебя более десяти лет.

Когда я открыла дверь нашего дома, мама сидела на кухне.

Разумеется.

Свет горел только над столом, выделяя её усталое лицо из полумрака.

— Ты поздно, — произнесла она.

— У меня была смена.

— Я знаю, где ты работаешь, можешь не оправдываться.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Мама сняла очки.

Плохой знак.

— Алиса, нам нужно поговорить.

Я тихо застонала.

— Мам, пожалуйста. Только не сегодня.

— Именно сегодня. Мне звонила классная руководительница.

Прекрасно.

Сначала Луиза.

Потом работа.

А теперь ещё и это.

— Если она жаловалась на мой ответ Луизе, можешь передать, что я была предельно вежлива.

— Она сказала, ты снова нагрубила. — пробубнила мама. — Ты же знаешь чья Луиза дочь!

— Я проявила инициативу в сфере защиты личных границ.

— Алиса!

— Что?!

Мама вздрогнула от моего тона.

И я тут же почувствовала укол вины.

Но извиняться почему-то не хотелось.

— Ты стала совершенно неуправляемой, — тихо сказала она. — Постоянно грубишь, пропадаешь на работе, ничего мне не рассказываешь…

— Я работаю, потому что нам нужны деньги!

Она побледнела.

— Я не просила тебя об этом.

— Конечно! Ты вообще никогда ни о чём не просишь! Просто сидишь ночами над счетами и думаешь, что я ничего не замечаю!

— Не смей разговаривать со мной таким тоном.

— Тогда перестань делать вид, что у нас всё замечательно!

Тишина ударила сильнее крика.

Я тяжело дышала.

Мама опустила взгляд.

И вдруг произнесла:

— Ты становишься похожей на него.

Всё внутри меня оборвалось.

— На кого?

Она молчала.

Но мне не нужен был ответ.

— На папу? — спросила я почти шёпотом.

Мама закрыла глаза.

— Алиса…

— Ты же сама никогда о нём не говоришь. А теперь вдруг решила сравнивать?

— Я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду, мам?

Она встала.

— Я не хочу снова ссориться.

Я усмехнулась.

Горько.

— Удобно. Как только речь заходит о нём, разговор заканчивается.

Я развернулась и ушла в комнату.

Хлопнула дверью.

Постояла посреди комнаты, глядя в одну точку.

И почувствовала, как глаза предательски наполняются слезами.

Нет.

Только не сегодня.

Сегодня я собиралась быть не девочкой, которой не хватает отца.

Не уставшей официанткой.

Не удобной мишенью для Луизы Ким.

Сегодня я собиралась стать чьей-то самой неприятной ошибкой.

Через сорок минут из зеркала на меня смотрела совершенно другая девушка.

Я выбрала облегающий топ глубокого винного цвета, подчёркивающий ключицы, и чёрные джинсы-трубы, которые давно берегла для особого случая.

Что ж.

Случай определённо был особым.

Волосы я завила крупными локонами. Они мягко падали на плечи, обрамляя лицо. Немного туши, тонкие стрелки, блеск на губах.

Я наклонилась ближе к зеркалу.

Неплохо.

Даже очень.

Особенно для человека, который ещё час назад напоминал оживший труп.

Телефон завибрировал.

Саня, 23:47

Саня: Мы под домом. Выходи, королева хаоса.

Я: Ещё пять минут.

Матвей: Мы уже 15 ждём!

Я: Красота требует жертв.

Тимур: Наш бензин тоже.

Я тихо засмеялась.

Взяла маленькую чёрную сумку, надела кожаную куртку и уже потянулась к двери, когда заметила на комоде старую фотографию.

На ней мне было года два.

Я сидела на плечах у мужчины, лица которого почти не было видно из-за солнечного блика.

Папа.

Я провела пальцем по краю рамки.

— Когда-нибудь я всё узнаю, — прошептала я.

А затем выключила свет.

— ТВОЮ МАТЬ!

Матвей чуть не подавился газировкой, когда я вышла на улицу

— Это кто?!

— Твоя смерть, если не перестанешь задавать глупые вопросы, — ответила я.

Саня присвистнул.

— Алиса, ты решила кого-то убить красотой?

— Пока только морально, — усмехнулась я.

Тимур, стоявший во всем сером, посмотрел на меня сверху в низ.

— Ты уверена, что хочешь туда идти.

Я встретилась с ним взглядом.

Тимур всегда задавал правильные вопросы.

И это бесило.

— Абсолютно.

— Это Князев, Лиса.

— Спасибо, что напомнил. А я-то думала, идем на возрождение к Папе Римскому.

Он не улыбнулся.

— Я серьёзно.

Я отвернулась в сторону его дома.

— Я тоже.

Мы тронулись с места нашей дружной компанией. Расстояние между домами казалось не таким близким, минут семь быстрым шагом.

С каждым шагом сердце начинало биться быстрее.

Я знала эту дорогу.

Даже спустя столько лет.

А вот и дом Князевых.

Дом Ба.

Он возник за деревьями, словно огромное освещённое чудовище.

Высокие окна сияли золотом. За забором гремела музыка,

мелькали силуэты гостей, над входом горели гирлянды.

У ворот стояла компания.

А вдоль дороги тянулась вереница дорогих автомобилей.

— Мать моя женщина, — выдохнул Саня. — Он что, короля Англии принимает?

— С такими деньгами можно и короля купить, — буркнул Матвей.

Я смотрела на дом.

Старинный каменный фасад.

Широкая лестница.

И тот самый балкон второго этажа.

Воспоминания нахлынули внезапно.

Маленькая я.

Рыжий котёнок на руках.

Смех мальчика за спиной.

Я стиснула пальцы.

Нет.

Только не сейчас.

— Алиса, — тихо произнёс Тимур. — Последний шанс передумать.

Я толкнула старую калитку.

— Поздно.

Внутри царил настоящий хаос.

Громкая музыка сотрясала стены. Люди танцевали, смеялись, целовались на деревянном крыльце.

Кто-то уже умудрился разбить бокал.

Кто-то спорил возле колодца.

А какая-то девушка в серебристом платье рыдала в телефон, сообщая неизвестному собеседнику, что «он просто моральный урод».

Обычная вечеринка богатых подростков.

С поправкой на количество нулей в банковских счетах.

— Так, — объявил Саня. — Первым делом ищем напитки.

— Первым делом веди себя прилично, — поправил Тимур.

— Ты вообще знаешь, что это значит?

— В отличие от тебя.

Матвей обнял меня за плечи.

— Лиса, расслабься. Сегодня мы отдыхаем.

Я натянуто улыбнулась.

— Именно.

Но на самом деле я уже осматривалась.

Мне нужен был Арис.

И кое-что ещё.

Я пока не решила, каким именно способом испорчу ему этот вечер, но вариантов было множество.

Можно было устроить публичное разоблачение.

Можно было вылить на него что-нибудь липкое.

Можно было просто дать пощёчину при всех.

Последний вариант казался особенно привлекательным.

Мне нравится

Однако слишком простым.

Нет.

Я хотела, чтобы он почувствовал хотя бы частицу того унижения и бессилия, которые когда-то испытала я.

— Ого, — вдруг произнёс Матвей. — А вот и хозяин праздника.

Я подняла глаза.

И мир на мгновение стал тише.

Хотя музыка продолжала греметь.

Хотя вокруг по-прежнему смеялись люди.

Хотя Саня что-то говорил мне на ухо.

Я ничего не слышала.

Потому что увидела его.

Ариса Князева.

За прошедшие годы он изменился.

Чёрт возьми.

Как же сильно он изменился.

Исчез тот худой и беззубый мальчишка с вечно разбитыми коленками и насмешливыми черничными глазами.

Теперь передо мной стоял высокий парень с широкими плечами, тёмными, слегка растрёпанными волосами и лицом, которое выглядело так, будто природа решила создать шедевр, а потом в качестве компенсации наградила его отвратительным характером.

На нём была чёрная рубашка с небрежно расстёгнутыми верхними пуговицами и тёмные брюки.

Он стоял у подножия лестницы, одной рукой держа ста-

кан, другой лениво опираясь о перила.

Вокруг него собралась компания.

Девушки смеялись над каждым его словом.

Парни дружески хлопали по плечу.

А сам Аристотель выглядел так, будто всё это безумие его совершенно не касается.

Будто люди в его доме — всего лишь декорации.

Я почувствовала знакомую злость.

Даже спустя столько лет.

Даже несмотря на то, как он выглядел.

— Ну что, — прошептал Саня, — знакомиться пойдём?

— Я сама, — ответила я.

— Алиса…

Но я уже двигалась через толпу.

С каждым шагом сердце билось сильнее.

Я представляла этот момент сотни раз.

Иногда во сне.

Иногда посреди обычного дня.

Я думала, что почувствую, когда увижу его снова.

Ненависть?

Облегчение?

Страх?

Оказалось, всё сразу.

И ещё кое-что, чему я категорически отказывалась давать название.

Я остановилась в двух шагах от него.

— Арис Князев.

Он медленно повернул голову.

Наши взгляды встретились.

Черничные глаза скользнули по моему лицу, задержались на секунду, затем чуть ниже — на винном топе — и снова вернулись к глазам.

Он приподнял бровь.

— Да?

Всего одно слово.

Спокойное.

Равнодушное.

Будто я была очередной незнакомкой, решившей привлечь его внимание.

Я стиснула зубы.

— Давно не виделись.

Он слегка наклонил голову.

Посмотрел внимательнее.

И…

Улыбнулся.

Той самой ленивой, самодовольной улыбкой.

— Прости, красавица. Мы знакомы?

У меня внутри что-то взорвалось.

Мы знакомы?

МЫ ЗНАКОМЫ?!

Ты серьёзно?!

Ты превратил один из самых счастливых дней моего дет-

ства в кошмар!

Ты заставил меня месяцами просыпаться от собственного крика!

Ты стал причиной того, что я до сих пор не переношу запах горелой шерсти!

А теперь стоишь передо мной, улыбаешься и спрашиваешь, знакомы ли мы?!

Я медленно вдохнула.

Потом выдохнула.

— Ты меня не помнишь?

Арис усмехнулся.

— Должен?

Где-то справа кто-то рассмеялся.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Не обязательно, — процедила я.

Он сделал шаг ближе.

От него пахло дорогим парфюмом, древесными нотами и чем-то неприятно притягательным.

— Тогда, может, представишься?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Алиса.

Никакой реакции.

Ни удивления.

Ни узнавания.

Ничего.

Только лёгкая улыбка.

— Красивое имя.

О господи.

Я сейчас его убью.

— А фамилия? — спросил он.

Я усмехнулась.

— Не переживай. Ты её всё равно не запомнишь, как и мое лицо.

Его улыбка стала шире.

— Дерзкая.

— А ты всё такой же самовлюблённый.

— Всё такой же? — повторил он, заинтересованно прищурившись. — Значит, мы действительно встречались?

Я рассмеялась.

Коротко.

Безрадостно.

— Можно и так сказать.

Он сделал глоток из стакана.

— И где же?

Я посмотрела на него.

На его спокойное лицо.

На глаза, в которых не было даже тени воспоминания.

И в этот момент поняла страшную вещь.

Для меня тот день стал частью жизни.

Частью меня.

Он поселился во мне, словно осколок стекла, который невозможно вытащить.

А для него…

Для него это было настолько незначительно, что он даже не запомнил девочку, которой причинил боль.

И от этого захотелось не просто испортить вечеринку.

Захотелось разрушить его идеальный маленький мир.

Хотя бы на один вечер.

— Неважно, — произнесла я наконец.

Арис приподнял стакан.

— Как скажешь, Алиса.

Он произнёс моё имя медленно, словно пробуя его на вкус.

Я развернулась, чтобы уйти.

Но его голос остановил меня.

— Эй, неВинная девочка.

Я медленно обернулась.

— Что?

Он усмехнулся.

— Надеюсь, ты пришла не только для того, чтобы меня оскорбить?

Я улыбнулась.

Настолько сладко, насколько позволяла моя ненависть.

— О нет, Князев.

Я чуть наклонилась к нему.

— Поверь, я пришла совершенно не за этим.

В его глазах мелькнул интерес.

— Тогда зачем?

Я отступила на шаг.

— Скоро узнаешь.

И ушла, оставив его стоять у лестницы.

Я чувствовала его взгляд на своей спине.

И впервые за вечер улыбнулась совершенно искренне.

Потому что план только что изменился.

Раньше я хотела просто испортить Арису вечеринку.

Теперь я хотела, чтобы он запомнил меня.

Так же крепко, как я запомнила его.

— Ну?! — Саня буквально подпрыгнул, когда я вернулась к ребятам. — Что он сказал?!

— Что мы не знакомы.

Матвей нахмурился.

— В смысле?

— В прямом.

Иллы рядом не было — она осталась дома после смены, но я уже представляла, что она сказала бы сейчас.

«Алиса, не делай глупостей».

Поздно, дорогая.

Очень поздно.

Тимур внимательно смотрел на меня.

— Ты какая-то странная.

Я улыбнулась.

— Просто наконец-то появилось настроение веселиться.

— Мне не нравится эта улыбка, — заметил он.

— А мне не нравится хозяин этого дома. Видишь, у всех

свои проблемы.

В этот момент Саня радостно поднял голову.

— О! Смотрите! Там какая-то девчонка запускает трансляцию вечеринки на огромный экран!

Я проследила за его взглядом.

У дальней стены висел гигантский экран, на который выводились фотографии и видео с вечеринки. Рядом стоял ноутбук, подключённый к проектору.

На экране сияла надпись:

«АРИС КНЯЗЕВ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ!»

Я медленно улыбнулась.

Вот оно.

Конечно.

Идеально.

Мне даже не придётся долго искать способ испортить ему вечер.

— Саня, — ласково произнесла я.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Что?

— Ты же говорил, что у тебя есть связи?

— Ну…

— И что ты разбираешься в технике?

Тимур закрыл глаза.

— Нет.

Я проигнорировала его.

— У меня есть одна маленькая идея.

Саня просиял.

— Насколько маленькая?

Я посмотрела на экран.

Потом на Ариса, стоявшего в окружении гостей.

Он вдруг снова поднял глаза.

И встретился со мной взглядом через всю комнату.

Я улыбнулась ему.

Он ответил тем же.

Бедный Князев.

Он ещё не знал, что худшее решение этого вечера уже принял.

Он пригласил в свой дом прошлое.

И прошлое пришло не мириться.

Иногда люди возвращаются в нашу жизнь, чтобы попросить прощения.

Иногда — чтобы всё исправить.

Но Арис Князев вернулся, даже не подозревая, что когда-то сломал маленькой девочке целый мир.

И я собиралась ему об этом напомнить.

Глава 3. По ту сторону ненависти

Мысль, как испортить Арису Князеву вечеринку, загорелась в моей голове яркой вспышкой совершенно спонтанно, не долго думая, я принялась к ее реализации.

— Матвей, дай сюда!

Я резко выхватила стакан из его рук и, не обращая внимания на возмущённый возглас, рванула через гостиную.

Музыка гремела так, что дрожали стёкла. Вечеринка в честь возвращения Ариса Князева была в самом разгаре. Сам виновник торжества стоял посреди комнаты, окружённый друзьями, и с привычной самодовольной ухмылкой наблюдал за происходящим.

Ну что ж, Князев. С возвращением.

Я подлетела к аппаратуре и одним движением выплеснула содержимое стакана прямо на проектор.

Раздалось противное шипение.

Изображение на огромном экране дёрнулось, пошло разноцветными полосами и погасло.

Следом исчезла музыка.

— Какого чёрта?! — раздался голос Ариса.

В комнате повисла тишина.

Я обернулась.

Князев стоял с таким выражением лица, будто впервые в жизни столкнулся с человеком, которому было совершенно

плевать на его фамилию.

— Упс, — невинно улыбнулась я. — Какая я неуклюжая. Кажется, вечеринка окончена.

— АЛИСА! ТВОЮ Ж МАТЬ! — Эхом донеслось со стороны ребят.

Но я уже неслась к выходу.

Выскочив на улицу, вдохнула холодный ночной воздух и расхохоталась.

Господи, его лицо стоило того.

Правда, где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что теперь мне конец.

Но кто сказал, что я собираюсь умирать без боя?

***

Утром я поняла, что расплата наступит гораздо раньше, чем хотелось бы.

— Алиса!

Я ускорила шаг.

— Алиса, мать твою, стой!

Не успела я свернуть к школьным воротам, как чья-то рука крепко сомкнулась на моём запястье.

Меня резко развернули.

Арис.

Злой. Неприлично красивый. И явно не выспавшийся.

— Ты совсем больная?! — прошипел он.

— А ты всегда начинаешь утро с оскорблений или сегодня особенный день?

— Ты хоть представляешь, сколько стоила эта аппаратура?

— Понятия не имею. Но судя по твоему лицу, немало. — парировала я. — С другой стороны, ты же можешь себе позволить купить ещё одну?! Как жаль.

Это был, скорее, риторический вопрос, я не ждала ответа от Ариса, да и он не торопился отвечать.

Его пальцы сжались сильнее.

— Думаешь, это смешно?

Я посмотрела сначала на его руку, потом ему в глаза.

— Убери. Руку.

— Сначала объясни, какого чёрта ты устроила. Я тебя чем-то обидел в прошлом? — прогремел он.

Я резко дёрнулась и вырвала запястье.

— Ещё раз схватишь меня, Князев, и следующим пострадает не проектор, а твое лицо.

На секунду в его глазах мелькнуло удивление.

А потом он усмехнулся.

— Ты пожалеешь, Алиса... Или, как там тебя?!

— Встань в очередь.

Я развернулась и направилась к школе, чувствуя спиной его взгляд.

Вот же самовлюблённый придурок.

И почему он обязательно должен выглядеть настолько хорошо, когда злится? Черт побери, я ведь не собираюсь влюбляться в человека, который сломал мне психику двенадцать лет назад? От этой мысли перехватило дыхание.

Стоп.

Это вообще не та мысль, которую мне стоило думать.

К обеду у меня созрел план.

Гениальный, между прочим.

Если Арис Князев так обожает внимание, почему бы не подарить ему ещё немного?

На перемене я открыла сайт знакомств, создала анкету и загрузила его самую самодовольную фотографию из открытого профиля.

Имя: Арис.

Возраст: восемнадцать.

О себе:

«Красивый, богатый, немного самовлюблённый. Ищу ту единственную, которая сможет выдержать мой ужасный характер. Люблю комплименты, долгие переписки и когда меня называют котиком. Пишите смелее, отвечаю всем!»

Я перечитала написанное и едва не подавилась смехом.

— Алиса, ты что там творишь? — спросил Матвей, заглядывая через плечо.

— Восстанавливаю справедливость.

Он посмотрел на экран.

Потом на меня.

И медленно покачал головой.

— Ты смертница.

— Зато со мной весело.

Я нажала «Опубликовать».

Через полчаса телефон Ариса начал разрываться от сообщений и звонков, который я вымолвила у его подружки из столицы.

А ещё через час вся школа обсуждала его анкету.

Особенно фразу про котика.

Когда Князев появился в коридоре, я даже не пыталась скрыть улыбку.

Он остановился напротив.

— Ты.

— Я, котик. — Мило промяукала я. — Разве вход в школу не только для учащихся?

Матвей рядом со мной согнулся пополам от смеха.

Арис медленно выдохнул.

— Я тебя уничтожу. Мелкая заноза!

— Сначала ответь своим поклонницам. Невежливо заставлять девушек ждать.

Он шагнул ко мне, но внезапно зазвонил его телефон.

Арис раздражённо достал его из кармана.

— Что ещё?!

Я уже собиралась отпустить очередную колкость, когда заметила, как изменилось его лицо.

Улыбка исчезла.

Он побледнел.

— Что?.. Когда?.. В какую больницу?

Моё веселье испарилось.

— Я сейчас буду.

Он сбросил вызов и, даже не посмотрев в мою сторону, бросился к выходу.

О том, что случилось, я узнала вечером.

Младшая сестра Ариса, одиннадцатилетняя Амира, попала в больницу.

Ей внезапно стало плохо, и скорая увезла её прямо из дома.

Не знаю почему, но эта новость не выходила у меня из головы. Ещё и я со своими шутками.

Амира.

Я видела её несколько раз. Маленькая, с огромными черничными глазами и смешными косичками.

Амира учится со мной в одной школе, ее мать бросила Ариса с отцом, когда тому исполнилось шесть, еще год они жили в нашему городе, позже уехали.

Может быть поэтому Аристотель был таким агрессивным ребенком? Он чувствовал себя ненужным. У матери новый мужчина, отец был горем убитый.

Я всегда знала, что Амира сестра Ариса, но, не смотря на ужаснейший поступок ее брата много лет назад, я всегда с теплом к ней относилась, она и правда чудесный ребёнок.

Ближе к вечеру я оказалась возле больницы.

Сама не понимала, зачем пришла.

Наверное, просто хотела узнать, всё ли с девочкой хорошо.

Ариса я заметила в конце коридора.

Он сидел на пластиковом стуле, сгорбившись, опустив голову на сцепленные руки.

Никакой привычной ухмылки.

Никакой наглости.

Передо мной был совершенно другой человек.

— Арис? — тихо позвала я.

Он поднял голову.

Глаза покраснели. Волосы были растрёпаны, а на лице застыло такое отчаяние, что мне стало не по себе.

— Пришла посмеяться? — хрипло спросил он.

Я покачала головой.

— Как Амира?

Он долго молчал.

— Врачи обследуют её. Пока ничего толком не говорят.

Я осторожно присела рядом.

— Она поправится.

— Ты не знаешь этого, Алиса. У нее порок с рождения.

В его голосе не было злости.

Только страх.

Он провёл ладонями по лицу.

— Я должен был быть дома. Она вчера просила меня остаться с ней, а я устроил эту чёртову вечеринку.

— Арис...

— Ей всего одиннадцать, — перебил он, глядя куда-то в пустоту. — Она боится больниц. Всегда просит держать её за руку, когда ей делают уколы.

Голос его дрогнул.

И именно в этот момент что-то внутри меня болезненно сжалось.

Я привыкла видеть в Арисе Князеве надменного, избалованного парня, который считал себя центром вселенной.

Но сейчас передо мной сидел старший брат.

Испуганный до чёртиков за свою маленькую сестру.

Я осторожно положила ладонь на его руку.

К моему удивлению, он не отстранился.

— Ты здесь, — тихо сказала я. — И когда Амира проснётся, ты будешь рядом. Это главное.

Арис посмотрел на меня.

Впервые без насмешки.

Без вызова.

Просто посмотрел.

— Почему ты пришла? Ты же меня ненавидишь.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, потому что даже ты не заслуживаешь такого. — Прошептала я. — я часто видела Амиру в школу, она... как лучик света.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Даже я?

— Не привыкай, Князев.

Мы замолчали.

И впервые за всё время это молчание не хотелось нарушать.

А потом из палаты вышел врач.

Арис моментально вскочил.

— Как она?!

Я тоже поднялась.

И, пока доктор начинал говорить, вдруг поймала себя на совершенно неожиданной мысли.

Я боялась за Амиру. Но ещё сильнее боялась увидеть, как Арис Князев окончательно сломается.

А ведь ещё утром я была уверена, что ненавижу его каждой клеточкой своего существа.

Но я не тот человек, который будет злорадствовать чужом несчастье. Тем-более, его сестру я полюбила и хотела убедиться, что с ней действительно все хорошо.

Но кажется, прийти в больницу в тот день было ошибкой. Одной маленькой. Глупой. Ошибкой.

Глава 4. На одном дыхании

Утро понедельника началось отвратительно.

Я проспала будильник, облилась кофе, а по дороге в школу умудрилась наступить в лужу настолько глубокую, что теперь мой левый кроссовок издавал подозрительное хлюпанье.

Прекрасно. Просто мать его, прекрасно.

— Алис, ты чего такая кислая? — поинтересовался Саня, когда я плюхнулась на подоконник школьного коридора.

— Жизнь прекрасна, Санёк. Особенно когда хочется кого-нибудь придушить.

— Князева? — хмыкнул Матвей.

— Его в первую очередь.

— Кстати, о Князеве, — Саня откусил половину булочки. — Слышала, он академ взял?

Я нахмурилась.

— Какой ещё академ?

— Академический отпуск, тундра, — пояснил Матвей. — Арис вообще-то на втором курсе политеха учится.

Я удивлённо моргнула.

— Стоп. Ему восемнадцать. Какой второй курс?

— Он раньше школу закончил, — пожал плечами Саня. — Ты вообще о нём хоть что-нибудь знаешь?

— Знаю, что у него самомнение размером с Китай. Этого

достаточно.

Мотя усмехнулся.

— Короче, бабушка ему дом оставила в наследство, вот он и вернулся, чтобы со всем этим разобраться. Бумаги, ремонт, всякая хрень. Взял академический отпуск, в общем.

Я задумалась.

Значит, его возвращение было связано не только с желанием испортить мне жизнь?

— И что, теперь он тут надолго?

— Похоже на то, — ответил Саня. —Может вообще сюда переведется, халявный дом всё-таки.

— Замечательно, — простонала я. — Может, мне тогда перевестись в монастырь?

— Боюсь, тебя даже там не примут, — заржал Матвей.

Я показала ему средний палец.

Но мысли почему-то вернулись к больничному коридору.

К Арису, который сидел, закрыв лицо руками.

К его дрогнувшему голосу, когда он говорил об Амире.

Интересно, как она сейчас?

Чёрт.

С каких пор меня вообще волнуют проблемы Князева?

После уроков я собиралась спокойно отправиться домой, переодеться и бежать на смену в кафе.

Но, разумеется, у вселенной были другие планы.

— Волкова, стой.

Я медленно повернулась.

Ким.

Идеальная укладка, дорогая сумочка, презрительный взгляд. Девушка, которая, кажется, родилась с убеждением, что весь мир обязан расступаться перед ней.

— Чего тебе, Ким?

Она перегородила мне дорогу.

— Я хочу поговорить об Арисе.

Я закатила глаза.

— Господи, может, вы уже создадите фан-клуб имени Князева и перестанете меня доставать?

Луиза шагнула ближе.

— Не строй из себя дурочку. Я знаю, что ты устроила на его вечеринке. И про сайт знакомств тоже.

— Поздравляю. Может, медаль дать?

Её лицо перекосилось.

— Держись от него подальше.

— А то что?

— А то пожалеешь.

Я уже открыла рот, собираясь ответить, но за моей спиной раздался знакомый голос:

— Луиза, отвали от неё.

Матвей.

Рядом с ним стояли Саня и Тимур.

— Мы просто разговариваем, — процедила Ким.

— Вот и поговорили, — спокойно ответил Тимур, вставая рядом со мной.

Саня сложил руки на груди.

— У тебя какие-то проблемы с нашей Алисой?

Луиза смерила нас всех недовольным взглядом.

— Вы ещё пожалеете, что с ней связались. Она же проклята.

Она развернулась и ушла, громко цокая каблуками.

Я посмотрела на парней.

— Мои рыцари в сияющих доспехах.

— Мы предпочитаем наличные, — невозмутимо заявил Матвей.

Я рассмеялась.

И впервые за день настроение немного улучшилось.

Жаль, ненадолго.

К вечеру я мечтала только об одном — лечь лицом в подушку и никого не видеть.

В кафе творился настоящий ад.

Илла, моя напарница, сидела в подсобке с красными глазами и размазанной тушью.

— Он меня бросил, Алис, — всхлипнула она в сотый раз. — Сказал, что ему нужно разобраться в себе!

— Может, он там потерялся? — пробормотала я, расставляя чашки.

Илла снова разрыдалась.

Я вздохнула.

— Ладно. Сиди. Я справлюсь.

Зря я это сказала.

Следующие четыре часа превратились в бесконечную череду заказов, недовольных клиентов, грязной посуды и ноющих ног.

К девяти вечера я уже ненавидела человечество.

А в девять пятнадцать в кафе вошёл человек, которого я ненавидела особенно сильно.

Аристотель, мать его, Князев.

И не один.

Под руку с ним шла высокая брюнетка в коротком чёрном платье.

Я машинально схватила меню.

— Добрый вечер. Чего желаете?

Арис поднял глаза.

Узнал меня.

И медленно ухмыльнулся.

— О, какие люди. А я и не знал, что ты здесь работаешь.

— А я не знала, что сюда пускают павлинов без поводка.

Девушка рядом с ним прыснула.

Арис прищурился.

— Два американо.

— Может, ещё зеркало принести? Чтобы ты мог любоваться собой, пока пьёшь?

— Алиса, — протянул он предупреждающе.

Я улыбнулась самой фальшивой улыбкой на свете.

— Ваш заказ будет готов через пять минут.

Отвернувшись, я почувствовала, как меня прожигают

взглядом.

Минут через десять за их столиком началась ссора.

— Ты вообще меня слушаешь, Арис?! — возмущённо прошипела брюнетка.

— Слушаю.

— Нет! Ты весь вечер смотришь куда угодно, только не на меня!

— Не начинай.

— Знаешь что? Пошёл ты!

Она резко поднялась, схватила сумочку и вылетела из кафе.

Я наблюдала за происходящим с нескрываемым удовольствием.

Ну надо же.

Даже принца Князева иногда посылают.

Я подошла убрать чашки.

— Девушка ушла, а чаевые оставила? Или у вас сегодня полный провал по всем фронтам?

Он медленно поднял на меня глаза.

И от этого взгляда мне стало неуютно.

— Ты когда-нибудь закрываешь свой рот?

— Только во сне. И то не всегда. Иногда похрапываю.

Арис резко поднялся.

Прежде чем я успела отступить, он схватил меня за руки.

— Эй! Ты чего творишь?!

— Нам надо поговорить.

— Руками людей не трогать тебя в детстве не учили?!

Он не ответил.

Просто потащил меня к выходу.

— Князев, отпусти!

У самой двери я выдернула одну руку, но он уже толкнул дверь плечом и вывел меня на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо.

— Ты совсем охренел?! — выпалила я, отступая. — Я вообще-то на работе!

— А я вообще-то устал от твоих выходок! Мы знакомы всего пару дней, а ты меня уже с ума успела свести!

О, Арис, если бы ты знал, сколько мы на самом деле знакомы, ты бы обомлел от ужаса.

— Бедный мальчик! Девушка бросила, и теперь надо сорваться на ком-нибудь?!

Он зло усмехнулся.

— Ты слишком много о себе возомнила.

— Училась у лучшего.

— Достала! Я тебя даже не помню!

Арис провёл ладонью по волосам, нервно достал из кармана пачку сигарет и щёлкнул зажигалкой.

Огонёк на секунду осветил его лицо, и я невольно поморщилась.

Он глубоко затянулся.

— Знаешь, Алиса, у меня сейчас столько дерьма в жизни, что твоих идиотских шуток мне только не хватало.

— А ты думаешь, у остальных всё замечательно? Ты даже не спросил, откуда мы знакомы!

Он выпустил дым.

Прямо в мою сторону.

— И откуда же? — протянул он.

Но я уже не в силах была ответить.

Я машинально вдохнула.

И замерла.

Грудь внезапно сдавило.

Сначала совсем немного.

Потом сильнее.

Нет.

Только не сейчас.

— Знаешь, Арис... — начала я, но голос неожиданно сорвался.

Я попыталась вдохнуть глубже.

Не получилось.

Воздух словно перестал проходить в лёгкие.

Чёрт.

Я ведь так долго жила без приступов.

Астма была в ремиссии. Я почти убедила себя, что она осталась в прошлом.

Почти.

— Эй, ты что? — нахмурился Арис.

Я прижала ладонь к груди.

Вдох.

Ещё один.

Бесполезно.

В горле раздался противный свист.

— Алиса?

Я попыталась ответить, но вместо слов вырвался хриплый кашель.

Арис мгновенно побледнел.

— Эй, ты чего?!

Сигарета полетела на асфальт.

Он шагнул ко мне, но я отшатнулась, судорожно пытаясь вдохнуть.

— Алиса, посмотри на меня!

Перед глазами начали расплываться огни фонарей.

Я опёрлась рукой о стену.

Ноги дрожали.

Дверь кафе распахнулась.

— Алис, ты где? Я там... — Илла осеклась. — Господи! Алиса?!

Она подбежала ко мне.

— Баллончик! Где твой ингалятор?!

Я с трудом покачала головой.

Остался дома.

Как назло.

— Какой баллончик?! — резко спросил Арис.

Илла посмотрела на него так, будто хотела ударить.

— У неё астма, придурок! Ты что, не видишь?! Приступ!

Лицо Ариса изменилось.

Вся злость исчезла.

— Что?!

— Приступ астмы! Нужно вызвать скорую!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал экстренный номер.

Говорил быстро, отрывисто, называя адрес и пытаясь объяснить, что со мной происходит.

Я почти не слышала слов.

Только ощущала, как страшно не хватает воздуха.

— Алиса, слышишь меня? — он присел передо мной. — Не отключайся. Смотри на меня.

Впервые его голос звучал настолько испуганно.

И мне стало ещё страшнее.

Диспетчер сообщил, что помощь направлена, и дал инструкции. Илла осталась на линии, а Арис поддерживал меня, пока я пыталась дышать.

Но ему показалось, что ждать слишком долго.

— Больница тут недалеко, — выдохнул он. — Я отвезу её.

— Арис, скорая уже едет! — парировала Илла.

Он осторожно подхватил меня на руки.

— Я не могу просто стоять и смотреть, как она задыхается! Это моя вина!

Я хотела возмутиться.

Сказать, чтобы поставил меня на землю.

Но сил не осталось.

Он донёс меня до машины, бережно усадил на пассажирское сиденье, помог пристегнуться и связался с диспетчером, сообщив, что везёт меня в ближайшее приёмное отделение.

Всю дорогу он говорил со мной.

— Алиса, только не закрывай глаза, ладно?

Я смотрела на него сквозь слёзы.

— Держись, заноза. Слышишь? Только держись.

«Заноза», что-то новенькое. Но именно сейчас мне было на это плевать.

И почему-то именно его голос помогал мне не поддаваться панике.

В больнице всё происходило обрывками.

Врачи.

Маска с лекарством.

Чужие голоса.

Холодная кушетка.

И постепенно возвращающийся воздух.

Когда мне наконец стало легче, я лежала на больничной койке, уставившись в белый потолок.

За окном моросил дождь.

Арис сидел рядом.

Его локти упирались в колени, а пальцы были крепко сцеплены.

— Ты выглядишь ужасно, — прохрипела я.

Он резко поднял голову.

— А ты выглядишь как человек, которого я чуть не угробил.

— Оптимистично.

— Алиса, твою мать!

Я вздрогнула.

Арис замолчал.

Потом тихо добавил:

— Я испугался.

Я повернула голову.

— Ты?

— Только не зазнавайся.

Я слабо улыбнулась.

Он провёл ладонью по лицу.

— Почему ты не сказала?

— А должна была?

— Хотя бы предупредить, что у тебя астма.

Я отвела взгляд.

— Она была в ремиссии. Я старалась не вспоминать о ней. Избегала встречи с раздражителями.

— Поэтому не носишь ингалятор?

Я промолчала.

Он тяжело вздохнул.

— Ты невозможная. Настоящее бедствие.

— Взаимно.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

А потом я тихо произнесла:

— Знаешь, заглушить болезнь в себе — это словно умереть на какое-то время. Словно ты живёшь, делаешь счастливое лицо, но на самом деле внутри ты тлеешь.

Арис ничего не ответил.

Я продолжила:

— Мне надоело быть больной девочкой. Надоело, когда мама смотрит на меня так, будто я могу рассыпаться от одного неосторожного движения. Я просто хотела жить нормально.

— А нормальная жизнь обязательно предполагает доведение меня до нервного срыва?

Я хмыкнула.

— Это приятный бонус.

Он неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Устало.

По-настоящему.

И я вдруг поняла одну странную вещь.

Мы оба чокнутые. Каждый со своей травмой. И это нас тянет друг к другу.

Он прятал боль за наглостью.

Я — за язвительностью.

Оба предпочитали нападать первыми, лишь бы никто не заметил, насколько нам страшно.

— Как Амира? — неожиданно спросила я.

Арис посмотрел на меня.

— Лучше. Её выписали. Пока ещё нужны обследования, но врачи говорят, что всё должно быть нормально.

— Я рада.

— Она, кстати, о тебе спрашивала.

Я удивлённо приподняла брови.

— Обо мне?

— Угу. Сказала, что та смешная девочка, которая постоянно ругается со мной, ей нравится.

Я улыбнулась.

— Умная у тебя сестра.

— Не то слово. Через чур.

Он на секунду замолчал.

— Алиса.

— М?

— Прости меня.

Я повернулась к нему.

— За что именно? Список довольно длинный.

— За сегодня. За то, что схватил тебя. За сигарету. За всё это.

Его голос был серьёзным.

Без единой насмешки.

— Больше так не делай, — тихо ответила я.

— Не буду.

Я кивнула.

И впервые мне захотелось ему поверить.

Из больницы нас отпустили ближе к полуночи, когда ды-

хание окончательно восстановилось и врач убедился, что моё состояние стабильно. Мне дали рекомендации и строго напомнили, что ингалятор быстрого действия должен быть при мне.

Арис настоял, что отвезёт меня домой.

Всю дорогу мы почти не разговаривали.

Только однажды он нарушил тишину:

— Заноза?

— Что?

— Если ещё раз решишь меня довести, выбирай методы без угрозы для собственной жизни.

Я повернулась к нему.

— А ты в следующий раз не хватай людей и не дыми им в лицо.

— Договорились.

Он чуть улыбнулся.

Я тоже.

Когда машина остановилась возле моего дома, входная дверь распахнулась раньше, чем я успела отстегнуть ремень.

— АЛИСА!

Мама практически сбежала с крыльца.

— Господи, девочка моя!

Она обняла меня так крепко, что я едва не пискнула.

— Мам, осторожнее, я же дышу!

— Мне позвонила Илла! Сказала, что тебя увезли в больницу! Почему ты не отвечала?!

— Телефон разрядился. Мам, всё хорошо.

Её взгляд скользнул за моё плечо.

Арис стоял возле машины, засунув руки в карманы.

Мама напряглась.

— А это кто?

— Аристотель Князев, — представился он. — Добрый вечер.

Мама посмотрела на него настороженно.

Слишком настороженно.

— Князев?..

В её голосе мелькнуло что-то странное.

Я нахмурилась.

— Мам, он отвёз меня в больницу. Помог мне.

Она перевела взгляд на меня.

— Ты уверена, что всё нормально?

— Да, мам. Правда.

Я осторожно сжала её руку.

— Он не сделал мне ничего плохого сейчас. Без него я бы очень испугалась.

Арис отвёл взгляд, словно эти слова его смутили.

Мама немного расслабилась.

— Спасибо, Аристотель, — тихо произнесла она.

— Не за что.

Он посмотрел на меня.

— Береги себя, заноза.

— А ты постарайся хотя бы день прожить без неприятно-

стей, Князев.

Он усмехнулся.

— Не обещаю.

Затем сел в машину и уехал.

Я ещё несколько секунд смотрела вслед красным огням его фар, пока он не заехал к себе во двор.

— Алиса, — неожиданно позвала мама.

— Что?

Она стояла рядом, бледная и какая-то непривычно серьёзная.

— Это тот самый Князев, который чуть не сжог нашего Персика?

— Этот? — я ткнула указательным пальцем в воздух, — о да, мам, тот самый, а что?

Мама отвела глаза.

— Ничего, солнышко. Пойдём домой.

Но я слишком хорошо знала свою мать.

Этот взгляд.

Эту внезапную тревогу.

Она не просто испугалась из-за моего приступа.

Она испугалась, когда услышала фамилию Князев.

И почему-то мне показалось, что сегодняшний вечер был лишь началом неприятностей.

Потому что иногда прошлое возвращается не для того, чтобы напомнить о себе.

А чтобы разрушить всё, что ты так старательно пытался

выстроить заново.

Глава 5. Осколки памяти

Утро у Аристотеля Князева началось с ударов.

Глухих. Резких. Безжалостных.

Боксёрская груша раскачивалась под натиском его кулаков, а по вискам стекал пот.

— Ты её сейчас насквозь пробьёшь, — усмехнулся Гром, если быть точнее, Гордей Громов, лучший друг Аристотеля, он нагло прислонился к стене спортзала.

— Было бы неплохо.

Арис нанёс ещё один удар.

— Опять кошмары? — спросил друг.

Князев замер.

Перед глазами на мгновение возник длинный коридор.

Обшарпанные стены.

Железные кровати.

И табличка на двери: «Школа-интернат».

— Я не хочу об этом говорить.

— Арис, прошло столько лет, твой отец...

— Я сказал, не хочу!

Удар получился особенно сильным.

Гордей замолчал.

***

— Иллария Терехова, если ты ещё раз произнесёшь имя своего бывшего, я лично куплю тебе билет в монастырь.

Подруга шмыгнула носом.

— Ты не понимаешь, Алис. Мы встречались почти два года!

— Именно! Два года ты бесплатно работала психологом у идиота. Пора на пенсию.

Мы стояли посреди торгового центра в окружении пакетов.

Вернее, пакеты были у меня, а Илла примеряла уже седьмое платье.

Сегодня я героически прогуляла школу.

Ради спасения подруги, разумеется.

— Как тебе? — спросила она, выходя из примерочной.

Я окинула её взглядом.

— Шикарно. В таком платье твой бывший должен заплакать, уволиться и уехать разводить картошку.

Илла впервые за несколько дней рассмеялась.

Победа!

— А давай вечером в клуб? — неожиданно предложила она.

Я замерла.

— Мама меня убьёт.

— Ты же не собираешься ей говорить?

Я задумалась.

Вообще-то мама после моего приступа астмы следила за каждым моим шагом. Сегодняшний прогул она тоже вряд ли оценит.

Но смотреть, как Илла медленно превращается в ходячий памятник несчастной любви, было невыносимо.

— Ладно, — вздохнула я. — Один вечер. Только без приключений.

Какая же я наивная.

К одиннадцати вечера клуб гремел музыкой, а разноцветные огни резали полумрак.

Илла танцевала так, будто пыталась вытрясти из себя последние воспоминания о бывшем.

Я же сидела у барной стойки, потягивая второй коктейль.

Голова приятно кружилась.

— Девчонки, скучаете? — раздался за спиной незнакомый голос.

Перед нами остановились двое парней.

Высокие, самоуверенные и явно нетрезвые.

— Нет, спасибо, — ответила я.

— Да ладно, красавица, — один из них придвинулся ближе. — Потанцуем?

— Слух у тебя плохой? Я сказала нет.

Он схватил меня за локоть.

— Не будь такой дурочкой .

— Руку убрал, — процедила я.

— А то что?

— А то я помогу ей объяснить.

Этот голос я узнала бы даже во сне.

Арис.

Он стоял позади парня, а рядом с ним возвышался тот самый Гром.

Князев выглядел убийственно спокойным.

Что, как я уже успела выяснить, было гораздо опаснее его злости.

— Отпусти девушку, — повторил он.

— А ты кто, её парень?

Арис усмехнулся.

— Тот, кто сейчас очень вежливо просит тебя отвалить. — процедил он. — пока вежливо!

Гордей шагнул к его приятелю.

— Парни, не усложняйте себе вечер.

После короткой перепалки незнакомцы наконец ушли.

Я скрестила руки на груди.

— Прекрасно. Теперь у меня ещё и личная охрана.

Арис повернулся ко мне.

— Ты какого чёрта здесь делаешь?

— Танцую вальс с президентом. Не видно?

Он прищурился.

— Ты пьяная?

— Я весёлая. Не путай понятия.

— Почему ты сегодня не пошла в школу?

Я удивлённо моргнула.

— А ты откуда знаешь?

— Твоя мама сообщила.

— ЧТО?!

Я едва не выронила стакан.

Арис устало выдохнул.

— Она звонила мне днём. Хотела узнать, не видел ли я тебя. После больницы переживает.

— И теперь вы с моей мамой лучшие друзья?!

— Алиса, ты можешь хоть пять минут не паясничать?

— Нет!

Он взял меня за руку, но тут же ослабил хватку.

— Пойдём. Здесь слишком шумно и воняет гарью.

На этот раз я не сопротивлялась.

Мы вышли на открытую террасу клуба.

Ночной воздух приятно холодил разгорячённые щёки.

Арис молча стоял рядом.

— Знаешь, Князев, — вдруг произнесла я, — самое смешное, что ты даже не помнишь меня.

Он нахмурился.

— В каком смысле?

Я горько усмехнулась.

— Мы знакомы гораздо дольше, чем ты думаешь.

— Алиса...

— Мне было шесть, — перебила я. — Шесть лет, Арис.

А ты поджёг моего кота.

Тишина.

Даже музыка за стеклянной дверью словно стала тише.

Арис медленно повернулся ко мне.

— Что ты сказала?

— Ты прекрасно слышал.

Я почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Его звали Персик. Рыжий, пушистый. Я таскала его повсюду. А потом появился ты.

Арис побледнел.

Перед глазами внезапно вспыхнули обрывки воспоминаний.

Двор школы-интерната смешались с прошлым.

Маленькая девочка с растрёпанными волосами.

Рыжий котёнок.

Запах дыма.

Детский плач.

И собственные руки, дрожащие от страха.

— Нет... — выдохнул он.

— Да, Арис. Это была я.

Он отступил на шаг.

— Я... я помню.

Голос прозвучал глухо.

— После аварии семь лет назад у меня пропали некоторые воспоминания. Врачи говорили, что они могут вернуться, но...

Он замолчал.

Я смотрела на него, чувствуя, как слёзы жгут глаза.

— Знаешь, что самое ужасное? Ты забыл. А я помнила это каждый день.

Арис опустил голову.

— Алиса, мне тогда было страшно. Я был глупым ребёнком. В интернате происходило столько всего, а на лето меня сбагривали до бабушки, я ощущал себя ненужным...

— Это не оправдание.

— Я знаю.

Он произнёс это настолько тихо, что моя злость на секунду растерялась.

— Мне правда жаль.

Я отвернулась к ночному городу.

Иногда мне казалось, что люди просто играют роли.

Хороших.

Плохих.

Сильных.

Счастливых.

Мы всего лишь куклы, у которых есть определённые чувства.

И кто-то обязательно дёргает за ниточки, заставляя нас снова переживать то, что хотелось забыть.

— Почему ты ничего не сказала раньше? — спросил Арис.

Я усмехнулась сквозь слёзы.

— Потому что хотела, чтобы ты сам вспомнил.

Он сделал шаг ко мне.

— Алиса...

— Не надо.

Я подняла ладонь, останавливая его.

— Просто не надо, Арис.

В этот момент на террасу вышла Илла.

— Алис? Мы домой?

Я быстро вытерла щёки.

— Да. Пойдём.

Арис не стал меня останавливать.

Только когда я уже подошла к двери, он тихо произнёс:

— Я помню не всё.

Я обернулась.

Он стоял неподвижно, глядя прямо на меня.

— Но теперь я хочу вспомнить.

Я ничего не ответила.

Потому что вдруг поняла одну страшную вещь.

Если Арис действительно вспомнит всё, возможно, правда окажется гораздо хуже наших воспоминаний.

А самое страшное — я уже не была уверена, что хочу узнать её до конца.

Глава 6. На грани ненависти

Говорят, от ненависти до любви один шаг. Но никто не предупреждает, что иногда этот шаг хочется сделать, чтобы столкнуть человека в пропасть.

Выходные — удивительная вещь.

Особенно когда тебе не нужно вставать в шесть утра, тащиться в школу, слушать монотонный голос учителя и делать вид, что тебя хоть немного интересует происходящее.

А ещё когда у тебя нет смены в кафе. Ни одной. Целых двадцать четыре часа свободы. И я, как вполне разумный человек, собиралась потратить их на самое полезное занятие в мире — лежать.

Желательно лицом в подушку.

Желательно до понедельника.

Но у судьбы, очевидно, были другие планы. Телефон завибрировал где-то под одеялом.

Я проигнорировала. Он завибрировал снова.

— Если это не сообщение о том, что я стала миллионершей, кто-то сегодня умрёт, — пробормотала я, нащупывая телефон. На экране светилось сообщение от Моти в нашем общем чате.

Мотя: *Лиса, ты живая?*

Я: *Физически — да. Морально — в процессе разложения.*

Мотя: *Отлично. Через час на старом перроне. Саня по-*

купает лапшу.

Саня: *С какого хрена я покупаю лапшу?*

Мотя: *Потому что ты МУЖЧИНА.*

Саня: *Я мужчина, а не банкомат.*

Я: *Возьми мне острую.*

Саня: *ДА ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ?*

Я довольно улыбнулась. Иногда для счастья достаточно двух идиотов, которые готовы купить тебе китайскую лапшу. Ну или хотя бы одного. Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. За окном было серое, ленивое утро. Такое, когда город словно не до конца проснулся и сам не решил, хочет ли сегодня существовать.

Впрочем, я его понимала. Последние дни выдались достаточно насыщенными. Школа, кафе, домашка, бесконечные перепалки и один особенно раздражающий представитель мужского пола. Аристотель. Господи, кто вообще называет ребёнка Аристотелем? Родители, видимо, очень хотели, чтобы сын вырос философом, а получился самовлюблённый придурок. Хотя надо отдать должное: придурок был весьма привлекательный. К сожалению.

Я поморщилась от собственной мысли.

Нет.

Даже думать об этом не собираюсь. Сегодня у меня выходной. И от Аристотеля тоже. Через сорок минут я стояла перед зеркалом. Выбор одежды занял подозрительно много времени для человека, который собирался просто пожрать

лапшу на заброшенном перроне. В итоге я остановилась на дымчато-сером велюровом костюме. Свободные брюки мягко ложились на кроссовки, короткая кофта на молнии оставалась слегка расстёгнутой, открывая белый облегающий топ. Волосы собрала в высокий хвост. Выпустила две тонкие пряди у лица. Немного туши. Блеск для губ. Посмотрела на отражение.

— Красотка, — сообщила я самой себе.

И, подумав, добавила:

— Главное — не встретить сегодня ни одного дебила.

Старый перрон находился на окраине города. Когда-то здесь останавливались пригородные поезда, но теперь платформа пустовала, зарастая травой и медленно разрушаясь. Рельсы тянулись вдаль, растворяясь в сером горизонте. Рядом ржавел покосившийся навес, на стене которого кто-то огромными буквами написал: *«МЫ ВСЕ КУДА-ТО ЕДЕМ»*. Философски. Особенно учитывая, что поезда здесь давно не останавливались. Матвей сидел на старой деревянной скамейке, болтая ногами. Саня стоял рядом, удерживая три картонные коробочки с лапшой.

— О! — Мотя вскинул руки. — Явилась наша пропащая душа!

— И тебе доброе утро, любовь моя.

— Сейчас почти два часа дня.

— Я только начала жить. Не мешай.

Саня протянул мне коробочку.

— Острая. Как твой поганый язычок.

— Спасибо, солнышко.

— Не называй меня так.— Хорошо, зайчик.

— Лиса!

Я довольно рассмеялась.

Саня закатил глаза, а Мотя чуть не подавился лапшой.

Мы расположились на скамейке, разложив еду и напитки на старом бетонном выступе. Ветер трепал мой хвост, из коробочки поднимался ароматный пар, а где-то далеко за деревьями шумела дорога. И впервые за долгое время мне было спокойно.

— Ну что, — протянул Мотя, наматывая лапшу на палочки, — рассказывай.

— Что? — выдохнула я.

— Как дела с Аристотелем?

Я закашлялась.

— Какие ещё дела?

— Обычные. Любовные. Страстные. С драмой и разбитыми сердцами.

— Моть, ты слишком много читаешь девчачьих романов.

— А ты слишком часто произносишь его имя.

— Потому что этот человек постоянно портит мне жизнь!

Саня хмыкнул.

— Не знаю, Лиса. Со стороны вы выглядите как семейная пара после двадцати лет брака.

— Ещё слово, и я засуну тебе палочки в ноздри.

— Видишь? — Саня обратился к Моте. — Именно так она разговаривает с любимыми людьми.

— Саня, — ласково произнесла я, — заткнись.

Мотя расхохотался.

— А если серьёзно? Он тебе нравится?

Я медленно повернула к нему голову.

— Ты сейчас лапшу ешь или клей нюхаешь?

— Это не ответ.

— Нет.

— Совсем?

— Вообще.

— Даже чуть-чуть?

— Мотя!

Он поднял руки.

— Всё-всё. Понял.

В воздухе повисла неловкая пауза.

— А вы уже целовались?

Я запустила в него смятой салфеткой.

Саня согнулся пополам от смеха.

— Вы два моральных урода, — сообщила я.

— Зато твои, — невинно улыбнулся Мотя.

И с этим, к сожалению, поспорить было сложно.

Мы просидели на перроне почти три часа. Обсуждали всё подряд. Школьные сплетни, странных посетителей кафе, Санину неудачную попытку познакомиться с девушкой, которая оказалась старше него на шесть лет.

— Она сама подошла! — возмущался он.

— И спросила, где твоя мама? — уточнила я.

Мотя сполз со скамейки от смеха.

Когда солнце начало прятаться за серыми облаками, мы наконец решили расходитьсяНа перекрёстке Мотя крепко меня обнял.

— Не пропадай, Лиса.

— Постараюсь.

Саня взъерошил мне волосы.

— И не убей своего Аристотеля.

Я отбила его руку.

— Он не мой.

— Конечно-конечно.

— Саня!

Но он уже убегал, смеясь.

Идиот. Любимый, конечно. Но идиот.

Домой я решила идти через центральную улицу. Над городом сгущались сумерки, витрины магазинов загорались тёплым светом, прохожие спешили по своим делам.

Я шла, спрятав руки в карманы велюровых брюк, и мысленно составляла план на вечер.

Горячий душ.

Чай.

Сериал.

Никаких людей.

Идеально.

Пока я не услышала знакомый смех.

Громкий.

Наглый.

До раздражения узнаваемый.

Я замедлила шаг.

Возле небольшого магазина стояла компания парней. Человек пять или шесть.

Одеты по-городскому: широкие джинсы, куртки, толстовки, кроссовки.

Явно не после спортивной тренировки.

И среди них, разумеется, возвышался он. Аристотель. В чёрной футболке под расстёгнутой курткой, тёмных брюках, с растрёпанными волосами и той самой самодовольной улыбкой, за которую мне периодически хотелось ударить его чем-нибудь тяжёлым.

Желательно словарём русского языка, чтобы научился нормально разговаривать.

Я собиралась пройти мимо.

Честно.

Но именно в этот момент Арис повернул голову. Наши взгляды встретились. На его лице мелькнуло удивление. Потом — узнавание. А затем медленно появилась улыбка. Плохая улыбка. Очень плохая. Я уже знала эту улыбку. После неё обычно начинались проблемы, двенадцать лет назад он так же бросил в меня эту улыбку, а затем поджог Персика.

Он что-то сказал двум парням, стоявшим позади него.

Один из них рассмеялся. Второй окинул меня оценивающим взглядом и хлопнул Ариса по плечу. Мне это не понравилось. Совсем. Я отвернулась и ускорила шаг.

— Эй! Заноза!

Закрыла глаза.

Раз.

Два.

Три.

Не оборачивайся, Алиса. Просто иди.— Алиса!

Шаги за спиной. Быстрые. Чёрт.

— Ты оглохла?

Меня догнали буквально за пару секунд.

Арис оказался передо мной, преграждая дорогу

— С дороги, — сухо сказала я.

— Ты куда так несёшься?

— Домой

— И даже не поздороваешься?

— Извини. Не заметила мусор на обочине.

У него дёрнулся уголок губ.

— Всё такая же ядовитая.

— А ты всё такой же навязчивый.

Я попыталась обойти его, но Арис шагнул в сторону.

— Подожди.

— Что? — выплюнула я. — Знаешь, Арис, если позавчера я тебе открыла свою душу, это ничего не значит. Для меня ты по-прежнему остаешься самовлюблённым идиотом.

Он неожиданно стал серьёзным.

Посмотрел мне в глаза.

Потом куда-то за моё плечо.

И снова на меня.

Что-то в его взгляде изменилось.

Будто он решился на какую-то совершенно идиотскую затею.

— Ты меня когда-нибудь до сумасшествия доведёшь, заноза.

— Обещаю постараться. Надеюсь тебя упекут в дурку, и ты больше никогда не попадешься мне на глаза. — съязвила я кратко искривив рот в улыбку.

— У тебя язык вообще без тормозов?

— А у тебя мозг без гарантии?

Он тихо усмехнулся.

И вдруг сделал шаг ближе.

Слишком близко.

Я нахмурилась.— Арис, ты чего?..

Он наклонился. И поцеловал меня. Прямо посреди улицы. Без предупреждения. Без вопроса. Без единого шанса понять, что вообще происходит.

На секунду мир действительно остановился. Словно кто-то выключил весь городской шум.

Я почувствовала его ладонь возле своей щеки, тепло губ и запах дорогого парфюма.

А потом мозг наконец вернулся из отпуска.

Какого. Чёрта.

Я резко упёрлась ладонями ему в грудь и оттолкнула.

— ТЫ СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ?!

Арис отступил на шаг, а позади него раздался взрыв смеха.

Громкого.

Мужского.

Неприятного.

Я медленно повернула голову. Двое парней возле магазина буквально сгибались пополам. Один держал в руке телефон. Второй что-то выкрикивал.

— Да ладно! Он реально это сделал!

— Я же говорил, она его прибьёт!

Я снова посмотрела на Ариса. Он улыбался. Не так широко, как его друзья. Но улыбался. И именно эта улыбка расставила всё по местам.

— Это что сейчас было? — тихо спросила я.

Он провёл рукой по волосам.

— Заноза, ну не начинай.

— Я задала вопрос.

— Да расслабься ты, позже я тебе все объясню.

Позади снова раздался смех.Один из парней крикнул:

— Арис, красава! Спор за тобой!

Тишина. Не настоящая. Вокруг продолжали ездить машины, разговаривать люди, хлопать двери магазинов. Но для меня всё вдруг стало удивительно тихо.

Спор.

Он поспорил.

На меня.

На поцелуй.

На мою реакцию.

Я посмотрела на Ариса так внимательно, будто впервые его увидела.

— Ты поспорил, что поцелуешь меня?

Его улыбка исчезла. В моих глазах он явно прочитал что-то недоброе.

— Алиса…

— Да или нет?

Он молчал.

Этого оказалось достаточно.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

— Слушай, это просто прикол.

— Прикол?

— Да никто не хотел тебя обидеть.

Я усмехнулась.

Коротко.

Без радости.

— Знаешь, Аристотель, у тебя удивительный талант.

Он нахмурился и произнес:

— Какой?

— Даже когда я думаю, что ниже ты уже не опустишься,

ты находишь подвал.

Парни позади нас притихли. Арис сжал челюсть.

— Не перегибай.

Я сделала шаг к нему.

Теперь между нами оставалось совсем немного пространства.

— А то что, подожжёшь меня также , как и моего кота? — выдавила я.

— И ещё кое-что, — добавила я почти ласково.

— Что?

— Никогда. Больше. Не смей. Меня. Трогать.

Каждое слово прозвучало отдельно. Чётко. Холодно.

Я обошла его и пошла прочь.

За спиной раздалось:

— Алиса!

Я даже и не думала оборачиваться.

— Да стой ты!

Я прибавила шаг.

— Заноза, чёрт возьми!

Пусть орёт. Пусть хоть на голову встанет. Мне было плевать. Потому что внутри уже зарождалось кое-что гораздо опаснее обиды.

Злость.

И желание заставить его пожалеть.

Дома я первым делом закрылась в комнате. Сбросила кроссовки. Развязала хвост. И уставилась на собственное от-

ражение. Губы всё ещё хранили ощущение его поцелуя. От этого хотелось вымыть лицо с мылом.

Желательно промышленным.

Телефон завибрировал.

Арис: *Ты серьёзно обиделась?*

Я посмотрела на сообщение.

Затем медленно улыбнулась.

Я: *Нет, конечно. А откуда у тебя мой номер?*

Арис: *Заноза, не начинай.*

Я: *Даже не думала.*

Арис: *Это был тупой спор. Признаю. Да и не спор вовсе. Мы договорились, что я осмелюсь поцеловать первую девушку, которая войдет на наш переулок, попалась ты, я что, виноват?*

Я: *Как благородно с твоей стороны.*

Арис: *Ты можешь нормально поговорить?*

Я: *Могу. Но не с тобой.*

Три точки.

Исчезли.

Появились снова.

Арис: *Ты невозможная.*

Я: *А ты предсказуемый.*

Я заблокировала телефон, и бросила его на кровать.

Нет. Так просто он не отделается. Не после того, как превратил меня в развлечение для своих друзей–приматов.

Я не собиралась плакать в подушку, писать подруге кило-

метровые сообщения и размышлять, почему мальчики такие идиоты.

Я собиралась действовать.

Но не сразу.

Месть — как хороший чай. Ей нужно настояться.

Следующие несколько дней превратились в маленькую войну.

Невидимую для окружающих.

Но абсолютно настоящую для нас двоих.

Проходя мимо дома его «ба» я не смотрела на него.

Совсем.

Даже когда он специально оказывался рядом.

Даже когда громко слушал музыку со своими дузьями.

Даже когда однажды задел меня плечом в ближайшем магазине.

— Заноза, ты долго собираешься меня игнорировать?

Я продолжила идти по своим делам. А точнее - в школу.

— Алиса.

Тишина.

— Лиса.

Я замедлилась.

Плавно развернулась в его сторону.

— Не называй меня так.

Он удивлённо приподнял брови.

— Почему?

— Потому что так меня называют друзья.

Пауза.

— А ты к ним не относишься, — холодно произнесла я.

Что-то мелькнуло на его лице. Слишком быстро, чтобы я успела разобрать.

— Жестоко, — протянул он.

— Переживёшь.

Он подошёл ко мне ближе и наклонился вперед.

— Ты ведь понимаешь, что я всё равно от тебя не отстану?

Я улыбнулась.

— Тогда купи себе абонемент к психологу. У тебя проблемы с личными границами.

Правая сторона черного зип—худи плавно сползла с моего плеча оголив кожу. Я поёжилась и резко уложила ткань снова себе на плечо.

Арис покачал головой.

— Знаешь, заноза, иногда мне кажется, что ты специально пытаешься вывести меня из себя.

— Поздравляю. У тебя появилась первая разумная мысль.

Я снова развернулась в сторону школы.

Он остался стоять в ступоре.

Я чувствовала его взгляд ещё долго.

В среду начался второй этап войны.

На перемене ко мне подошёл один из тех парней. Из компании Ариса. Высокий, светловолосый, с виноватой физиономией и до тошноты смазливый, прям Краш любой школьницы младше шестнадцати лет.

— Слушай, Алиса…

Я посмотрела на него.

— Если хочешь поспорить, что сможешь со мной заговорить, сразу говорю: не сможешь.

Он смущённо усмехнулся.

— Нет. Я хотел извиниться.

Неожиданно.

— За что?

— За тот вечер. Мы реально повели себя как дебилы.

— Согласна.

Он почесал затылок.

— Это я предложил спор.

Я скрестила руки.

— Какая впечатляющая биография. Продолжай.

— Арис сначала отказывался.

Я моргнула.

— Что?

— Ну… он сказал, что это тупость. А потом мы начали его подкалывать.

— И он решил доказать, что способен на тупость международного масштаба?

Парень хмыкнул.

— Типа того.

Я отвела взгляд.

Странно.

Почему-то эта информация не принесла облегчения.

Наоборот.

Стало ещё противнее.

Потому что Арис прекрасно понимал, что делает. И всё равно сделал.

— Ладно, — сказала я. — Извинения приняты. Но второй раз такое не рискуйте повторять.

Он кивнул и ушёл.

А я осталась стоять у окна. И думать. Не о поцелуе. Не о том, как сильно меня взбесил Арис. А о том, почему его друзья были уверены, что именно **меня** он согласится поцеловать.

Неожиданно я почувствовала, как медленно начинает сдавливать мою грудь. Я быстро отыскала баллончик с воздухом в моей сумочке и... Вдохнула...

В четверг вечером телефон снова завибрировал.

Арис: *Ты ещё злишься?*

Я: *Нет. Уже выбираю цвет венка.*

Арис: *Чёрный. Под мои глаза.*

Я: *Слишком дорого. Куплю кактус.*

Арис: *Себе?*

Я: *На твою могилу.*

Арис: *Любишь ты меня, заноза.*

Я замерла. Несколько секунд смотрела на экран. Потом начала печатать. Стерла. Напечатала снова.

Я: *Не путай желание тебя придушить с любовью.*

Ответ пришёл почти мгновенно.

Арис: *А ты уверена, что умеешь их различать?*

Я прикусила внутреннюю сторону щеки.

Ненавижу.

Ненавижу его самоуверенность.

Его наглость.

Его привычку всегда оставлять последнее слово за собой.

Но больше всего ненавидела то, что он иногда умудрялся заставить меня улыбнуться. Даже когда я злилась. Особенно когда злилась.

И именно тогда в моей голове окончательно созрел план. Великолепный. Коварный. И, возможно, абсолютно безумный.

В пятницу вечером я написала ему первой.

Впервые за всё время.

Я: *Арис.*

Ответ пришёл через семь секунд.

Арис: *Ого. Заноза сама мне пишет? Мир похоже перевернулся?*

Я: *Нам нужно поговорить.*

Арис: *Звучит как начало развода.*

Я: *Не льсти себе. Я бы за тебя не вышла даже ради гражданства другой планеты.*

Арис: *А ради денег?*

Я: *Только если сумма позволит купить остров и больше тебя никогда не видеть.*

Арис: Ладно. *Где и когда?*

Я улыбнулась.Вот теперь начиналось самое интересное.

Я: *Завтра. Семь вечера. Старый перрон.*

Арис: *Романтично.*

Я: *Не забудь завещание.*

Арис: *Буду, заноза.*

Я отложила телефон.

Сердце почему-то билось чуть быстрее обычного. Но это было исключительно предвкушение мести. Разумеется.

В субботу я пришла на перрон на десять минут раньше. Ветер был прохладным. Небо окрасилось в густые розовые и сиреневые оттенки, а старые железнодорожные пути отражали последние полоски закатного света. Я стояла возле скамейки, спрятав руки в карманы ветровки, и мысленно повторяла свой план.

Всё просто.

Никакой импровизации.

Никаких эмоций.

Никаких глупостей.

Особенно последнего.

— Заноза!

Я закрыла глаза. Ну вот. Началось. Арис шёл вдоль платформы, засунув руки в карманы тёмной куртки.

На этот раз без друзей. Без зрителей. Без идиотских улыбок за спиной. Только он. И я.

— Думал, ты решила меня прикончить, — сообщил он, останавливаясь рядом.

— Ещё не решила окончательно.

— Тогда я польщён.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты какая-то странная.

— А ты какой-то живой. Нас обоих ждут разочарования.

Арис усмехнулся, но быстро стал серьёзным.

— Алиса, насчёт того вечера…

— Не надо.

— Нет, послушай.

Я подняла глаза. Он впервые выглядел не самодовольным. Не насмешливым. Не раздражающим до скрежета зубов. Просто серьёзным.

— Я действительно поступил как мудак.

Я моргнула.

— Ого. Самокритика. Кто ты и что сделал с Аристотелем?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он выдохнул.

— Не надо было тебя целовать ради идиотского спора. И вообще без твоего согласия. Это было отвратительно.

Я молчала.

— Прости. За тот вечер, и за то, что однажды поджег твоего кота.

Вот так. Одно слово. Без шуток. Без оправданий. Без попыток выставить меня слишком обидчивой. И почему-то от этого мой идеально продуманный план слегка пошатнулся.

Совсем чуть-чуть.

— Хорошо, — ответила я.

Он приподнял бровь.

— Хорошо?

— Я услышала.

— И всё?

— А ты ждал салют?

Он хмыкнул.

— Нет. Просто ты обычно отвечаешь минимум пятью оскорблениями.

— Могу исправиться.

— Не стоит. Мне нравится спокойно жить.

Мы замолчали.

Ветер тронул выбившуюся прядь у моего лица. Арис посмотрел на неё. Потом на меня.

— Так зачем ты меня позвала?

Вот оно. Время. Я медленно улыбнулась.

— Знаешь, Аристотель…

— Уже страшно.

— Я тут подумала.

— Ещё страшнее, — продолжал бубнить он себе под нос.

— Ты тогда выиграл спор.

Его лицо изменилось.

— Алиса…

— Нет-нет, не перебивай.

Я подошла на шаг ближе.

— Ты поцеловал меня перед друзьями. Они посмеялись. Ты получил своё маленькое мужское признание.

Он нахмурился.

— Я уже извинился.

— Знаю.

Ещё шаг.

Теперь между нами оставалось совсем немного пространства.

— Я решила, что это несправедливо.

— Что именно?

— Ты получил свою победу.

Я подняла голову. Посмотрела ему прямо в глаза.

— А я — нет.

Арис насторожился.

— Заноза, что ты задумала?

Я улыбнулась ещё шире.

— Хочу предложить тебе один спор.

Он смотрел на меня.

Потом тихо рассмеялся.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— И на что спорим?

— Что я смогу сделать кое-что, после чего ты перестанешь так самодовольно улыбаться.

Арис прищурился.

— Интригуешь.

— Боишься?

Он фыркнул.

— Тебя?

— Значит, согласен?

Опять эта неловкая пауза.

— Согласен.

Я кивнула.

— Прекрасно.

И сделала последний шаг. Арис опустил взгляд на моё лицо.

Его улыбка медленно исчезла.

— Алиса?..

Я осторожно взялась за ворот его куртки. Не потянула. Просто задержала на нём пальцы.

— Можно? — спросила я тихо.

Он замер. И впервые за всё время не нашёл ни одной колкости.

— Да, — ответил он.

Тогда я поднялась на носки. И поцеловала его. Сама. Без зрителей. Без чужого смеха. Без спора, в котором кто-то должен был стать посмешищем. Сначала это должен был быть всего лишь короткий поцелуй. Маленькая месть. Проверка его самоуверенности.

Я хотела увидеть растерянность на лице человека, который всегда считал, что контролирует любую ситуацию. Но всё пошло совершенно не по плану. Арис не двинулся. Се-

кунду. Другую. А потом осторожно коснулся моей талии. Не притянул. Не попытался удержать. Словно ждал, не отстраняюсь ли я.

И это было настолько не похоже на него, что я растерялась. Мои пальцы сильнее сжали ворот куртки.

Поцелуй затянулся. На какое-то совершенно безумное мгновение я забыла, зачем вообще всё это затеяла. Забыла про спор. Про его друзей. Про собственную злость. Про то, что собиралась отомстить. Остались только прохладный вечер, старый перрон и человек, которого я, кажется, ненавидела с особенным талантом.

А потом я вспомнила. И резко отстранилась. Арис смотрел на меня. Совершенно ошарашенный. Губы чуть приоткрыты. Ни тени привычной насмешки. Ни одной колкости. Ни одного дурацкого комментария. Господи. Это было прекрасно.

— Ну что, Аристотель? — прошептала я.

Он молчал. Я довольно склонила голову.

— Кажется, я выиграла.

Он медленно моргнул.

— Что?..

— Спор.

И улыбнулась той самой улыбкой, которую так ненавидела на его лице.

— Ты теперь знаешь, каково это — когда кто-то играет с твоими чувствами. — а вас, мужчин, ещё и бугорок на шта-

нах выдает, так что не отнекивайся.

Я кратко бросила взгляд на его ширинку.

Его выражение лица мгновенно изменилось.

Сначала недоумение.

Потом понимание.

И наконец что-то болезненно острое.

— Ты… — Он запнулся.

— Ты сделала это специально?

Я заставила себя усмехнуться.

— А ты думал, я внезапно в тебя влюбилась?

Тишина. Он опустил руки. Сделал шаг назад. И впервые за всё время мне не понравилось, что я увидела в его глазах. Не злость. Не раздражение.

Разочарование.

Настоящее.

— Хорошо сыграно, заноза, — тихо сказал он.

Почему-то эти слова ударили сильнее, чем должны были.

Я скрестила руки.

— Училась у лучших.

Он усмехнулся, но улыбка вышла совершенно пустой.

— Поздравляю. Теперь мы квиты.

Арис развернулся, и пошёл прочь.

Просто так.

Без привычного «до встречи».

Без обещания достать меня завтра.

Без единой попытки оставить последнее слово за собой.

Я смотрела ему вслед, и чувствовала, как моя великолепная победа медленно превращается во что-то неприятное и тягучее.

— Арис! — неожиданно окликнула я.

Он остановился, но не обернулся.

— Что?

Я открыла рот, но поняла, что не знаю, что сказать.

«Это был не просто поцелуй.»

Нет. Слишком глупо.

«Я не хотела тебя обидеть.»

Враньё. Хотела. Именно поэтому всё и затеяла.

«Мне понравилось.»

Ни за что. Лучше сразу прыгнуть под поезд. Который, к счастью, здесь не ходил.

— Ничего, — выдавила я.

Он коротко кивнул. И ушёл.

Домой я возвращалась пешком. Медленно. Гораздо медленнее, чем обычно.

Телефон в кармане молчал. И это раздражало. Я достала его. Проверила сообщения. Ничего.

Открыла переписку с Арисом. Последним было его вчерашнее: *«Буду, заноза»*.

Я смотрела на эти два слова дольше, чем следовало. И вдруг поняла одну ужасную вещь. Мне не хотелось, чтобы он молчал. Я хотела, чтобы он написал. Назвал занозой. Пошутил. Вывел меня из себя. Сказал какую-нибудь невыноси-

мую глупость, чтобы всё снова стало привычным. Но ничего не происходило. Я остановилась возле освещённой витрины и посмотрела на своё отражение.

— Поздравляю, Алиса, — тихо произнесла я. — Ты гениальная идиотка.

И именно в этот момент телефон завибрировал.

Сердце предательски подпрыгнуло. Я выхватила его из кармана.

Мотя: *Лиса, ты где? Как прошло?*

Я закрыла глаза. Ну конечно. Не он.

Я: *Отомстила.*

Мотя: *И???*

Я долго смотрела на экран. Потом написала:

Я: *Кажется, заодно и себе.*

Поздно ночью я всё ещё не спала. Лежала на спине. Смотрела в потолок. Вспоминала. Его удивление. Осторожное прикосновение к талии. То, как он замер, когда я поцеловала его первой. И тот самый взгляд перед уходом.Я перевернулась на бок, потом на другой. Накрылась одеялом с головой.

Не помогло.

— Да чтоб тебя, Аристотель! — прошептала я в темноту.

Телефон коротко завибрировал.Я замерла. Потянулась к экрану.

Арис: *Знаешь, заноза, в одном ты ошиблась.*

Я нахмурилась.

Я: *В чём же?*

Ответ пришёл почти сразу.

Арис: *Ты решила, что я разозлился, потому что проиграл.*

Я села на кровати.

Я: *А разве нет? Разве твое мужское «эго» не пошатнулось?*

Три точки. Появились. Исчезли. И снова появились.

Арис: *Нет.*

Ещё сообщение.

Арис: *Я разозлился, потому что на секунду поверил, что ты действительно хотела меня поцеловать.*

Я перестала дышать. Просто смотрела на экран. Сердце колотилось где-то в горле.

Я набрала: человека, который сломал психику шестилетнему ребенку?

Посмотрела на сообщение. Стерла. Написала:

Это был просто спор.

Снова стерла. Заблокировала телефон. И прижала его к груди. Потому что теперь я знала. Месть удалась. Я действительно стёрла все границы. Только не те, которые собиралась. Раньше между нами всё было просто. Он меня бесил. Я бесила его. Мы ссорились, подкалывали друг друга и делали вид, что терпеть друг друга не можем. А теперь…Теперь я не знала, где заканчивалась ненависть. И начиналось что-то другое. Что-то гораздо страшнее. Потому что ненавидеть Аристотеля было легко. А вот признаться себе, что мне хо-

телось поцеловать его ещё раз…Практически невозможно. Телефон снова загорелся.

Арис: *Спокойной ночи, заноза.*

Я улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Потом быстро стёрла улыбку с лица, хотя меня никто не видел.

Я: *Сладких кошмаров, Аристотель.*

И уже собиралась отложить телефон, когда пришло последнее сообщение.

Арис: *И, Алиса…*

Я: *Что ещё?*

Арис: *В следующий раз, если захочешь меня поцеловать, просто скажи.*

Я уставилась на экран. Возмущение моментально вернулось на законное место.

Я: *СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА НЕ БУДЕТ!*

Ответ пришёл мгновенно.

Арис: *Как скажешь, заноза*

Я швырнула телефон на подушку.

— НЕНАВИЖУ!

Но, к своему ужасу, продолжала улыбаться. И где-то глубоко внутри уже понимала:

Это была не наша последняя война.

Просто теперь ставки стали гораздо выше. Потому что раньше мы пытались задеть друг друга словами, а теперь каждый из нас знал, куда целиться, чтобы попасть прямо в сердце. И самое страшное? Кажется, никто из нас больше не

хотел промахиваться.

Глава 7. Тот угасший свет

Понедельник. 06:43.

Понедельники созданы для того, чтобы напоминать людям: от себя не убежишь.

Я поняла это ещё до того, как открыла глаза.

За окном моросил дождь. Капли лениво стекали по стеклу, оставляя за собой кривые прозрачные дорожки. Где-то поотдаль проехала машина, разрезая колёсами лужи, а телефон на прикроватной тумбочке настойчиво вибрировал уже третий раз.

Я протянула руку, нащупала его и отключила будильник.

06:43.

Прекрасно.

Новый день. Новая неделя. Старые проблемы.

А точнее — одна проблема с тёмными глазами, отвратительно самоуверенной улыбкой и именем, которое я за последние сутки мысленно произнесла столько раз, что уже начинала ненавидеть саму себя.

Арис.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Субботний вечер всплыл в памяти без приглашения.

Его лицо. Его близость. Собственное бешено колотящееся сердце.

И поцелуй.

Тот самый, который я сама начала.

Не потому, что хотела признаться в чувствах. Не потому, что внезапно решила перестать сопротивляться его обаянию.

Из мести.

По крайней мере, именно так я объясняла это себе.

Мне так хотелост задеть его. Хотела показать, что не хочу играть по его правилам. Что не только он умеет выводить людей из равновесия, заставлять терять голову, а потом делать вид, будто ничего не произошло.

Но всё пошло не по плану.

Потому что Арис не отстранился.

Потому что на какое-то мгновение я забыла, зачем вообще к нему приблизилась.

И потому что потом увидела его лицо.

Не злое.

Не насмешливое.

Разочарованное. Во мне. В себе. Во всем.

Это было хуже всего.

Всё воскресенье мы не виделись и не разговаривали. Ни одного сообщения. Ни одного звонка. Даже случайной встречи, хотя раньше Арис каким-то невероятным образом умудрялся возникать в моей жизни именно тогда, когда меньше всего был нужен.

Я сама себе запретила писать первой.

Он, похоже, тоже.

— И прекрасно, — пробормотала я в потолок. — Просто замечательно.

Потолок не ответил.

Зато за окном послышались размеренные шаги.

Я машинально повернула голову.

И замерла.

По мокрой дорожке вдоль дворов бежал Арис.

Чёрные спортивные штаны, тёмная футболка, волосы чуть растрёпаны. В ушах наушники. Движения ровные, уверенные, будто шесть утра в понедельник — самое подходящее время для того, чтобы добровольно издеваться над собственным организмом.

Я вскочила с кровати и подошла к окну.

Он замедлил шаг.

Поднял голову.

Прямо к моему окну.

— Чёрт!

Я резко отпрянула и спряталась за занавеску, так неуклюже, что чуть не уронила цветочный горшок.

Сердце колотилось совершенно неприлично.

Он видел?

Я осторожно раздвинула ткань двумя пальцами.

Арис стоял по ту сторону забора

И смотрел куда-то в пустоту

Несколько секунд он не двигался, затем слегка качнул головой. Уголок его рта едва заметно дрогнул.

После чего он развернулся и побежал дальше.

— Ненавижу, — прошептала я.

Но почему-то продолжала смотреть ему вслед.

И только когда он скрылся за поворотом, позволила себе выдохнуть.

07:18.

Арис остановился возле школьного стадиона, снял наушники и провёл ладонью по влажным волосам.

Утренний холод приятно обжигал лёгкие.

Он пробежал почти семь километров.

Не помогло.

Мысли всё равно возвращались к Алисе.

К тому, как она поцеловала его. Хоть и на спор.

К тому, как мгновением позже дала понять, что всё это было лишь способом отомстить.

Он мог бы рассмеяться.

Сделать вид, что ему всё равно.

В конце концов, именно таким его все считали.

Но стоило закрыть глаза, и он снова чувствовал её теплую руку на своей шее.

И вспоминал, как сильно хотелось поверить, что в тот момент она действительно выбрала его.

— Дурак, — сказал Арис самому себе.

— Согласна.

Он обернулся.

Перед ним стояла Амира — одиннадцатилетняя девочка

в слишком большой худи, с двумя косичками и выражением лица человека, который уже успел разочароваться в окружающих.

В руках у неё был бумажный пакет с булочкой.

— Ты откуда взялась?

— Из дома. Обычно дети там живут. Иногда даже с родителями.

— Очень смешно. Тебе стоит меньше времени проводить с Алисой. Понабралась от нее... — Выдохнул Арис.

— Спасибо. Я стараюсь учиться у лучших.

Арис забрал у неё пакет, откусил кусок булочки и получил возмущённый взгляд.

— Эй! Это мой завтрак!

— Семейный налог.

— Тогда я расскажу маме, что ты опять бегал вместо завтрака.

Он вернул пакет.

— Шантажистка.

— Вся в тебя!

Амира прищурилась.

— Ты какой-то странный.

— Я всегда странный. — произнес Арис вытирая пот со лба серой тряпкой, которую он успел вынуть из кармана брюк.

— Нет. Обычно ты странный и довольный собой. А сейчас просто странный.

Арис посмотрел на сестру внимательнее.

Иногда он забывал, что ей всего одиннадцать.

— Амир, мне нужна твоя помощь.

Девочка мгновенно насторожилась.

— Если ты снова хочешь, чтобы я снова поумоляла устроить вечеринку в доме нашей бабушки, то мои услуги подорожали.

— Дело не в этом.

— А в чём?

Он помолчал.

— В Алисе.

Амира расплылась в улыбке.

— А-а-а.

— Только без этого.

— Я ничего не сказала.

— Ты сказала целую речь одним звуком.

— Талант.

Арис вздохнул.

— Просто приглядывай за ней сегодня в школе.

Улыбка Амиры исчезла.

— В смысле?

— В прямом. Если увидишь, что с ней что-то не так, позвони мне.

— Почему сам не приглядишь?

— Потому что она меня, скорее всего, пошлёт.

— Она мне всегда нравилась, — с улыбкой сказала девоч-

ка.

— Амира.

— Что?

— Я серьёзно.

Девочка перестала улыбаться.

Она знала этот голос.

Арис редко разговаривал так, когда речь не шла о чём-то действительно важном.

— С ней что-то случилось?

Он отвёл взгляд.

— Не знаю. Но у неё бывают приступы астмы. И она слишком упрямая, чтобы вовремя попросить помощи.

— А ты слишком упрямый, чтобы признаться, что переживаешь.

— Просто присмотри, хорошо?

Амира немного подумала.

— А если она спросит, почему я за ней хожу?

— Скажешь, что сама захотела.

— То есть соврать?

— Амира...

— Ладно, ладно. Но с тебя горячий шоколад.

— Договорились.

Она протянула мизинец.

Арис усмехнулся и сцепил свой с её.

— И ещё, — добавила девочка.

— Что?

— Ты её любишь?

Арис замер.

Потом натянул капюшон ей на глаза.

— Иди в школу, мелкая.

Амира рассмеялась.

— Это не ответ!

— Это самый подробный ответ, который ты сегодня получишь.

Но когда сестра убежала, улыбка исчезла с его лица.

А что, если она действительно для него значила больше, чем он готов был признать?

08:26.

Черт возьми, я опаздываю!

Разумеется.

Потому что утро, начавшееся с созерцания Ариса через занавеску, просто не могло закончиться ничем хорошим.

Я почти бежала по школьному коридору, прижимая к груди учебники.

И едва не врезалась в Амиру.

— Осторожно! — девочка ловко отскочила в сторону.

— Господи, прости! Ты цела?

— Физически да. Морально потрясена.

Я невольно улыбнулась.

— Прости, я бы поболтала с тобой, но я итак уже опоздала на урок, — жалобно проскулила я.

— ничего страшного конечно.

Амира осеклась.

— Как у вас дела с моим братом?

— С кем?

— С Арисом.

— Никак...

— Очень информативно.

— Я стараюсь быть загадочной.

Мы расхохотались.

В отличие от своего старшего брата, Амира умела вызывать симпатию буквально за три секунды.

— Тебе в какой кабинет?

— На второй этаж. А тебе? — правила меня Амира.

— На третий.

— Тогда пойдём вместе.

Я подозрительно посмотрела на девочку, она сказалась мне, как никогда странной.

У своего этажа Амира вдруг остановилась.

— Алиса?

— Да?

— У тебя всё нормально?

Вопрос прозвучал неожиданно серьёзно.

Я на мгновение растерялась.

— Конечно. А что?

— Просто спрашиваю. — с улыбкой отрезала девочка.

— Всё хорошо.

Амира пристально посмотрела на неё.

— Ладно. Только ты, если что, не геройствуй.

Я сдвинула брови.

— Это ещё что значит?

— Ничего! Хорошего дня!

Девочка исчезла за поворотом прежде, чем я успела задать следующий вопрос.

Странная семейка всё-таки. Теперь я вижу их с братом сходство.

К большой перемене я успела пережить контрольную, замечание за опоздание и два совершенно бессмысленных разговора о предстоящем школьном мероприятии.

Оставалось пережить только Луизу Ким.

И, как назло, именно она ждала Алису возле центральной лестницы.

Луиза выглядела безупречно, как и всегда.

Идеально уложенные волосы, аккуратная форма, дорогие украшения и выражение лица, которое я мысленно называла «я лучше вас всех, но сегодня позволю вам дышать одним воздухом со мной».

Рядом стояли две её подруги. Всё время забываю их имена...

— Волкова, — протянула Луиза. — А я тебя ищу.

— Попробуй в следующий раз не искать. Всем станет легче.

Одна из подруг Луизы хихикнула, но тут же замолчала под её взглядом.

— Слышала, ты в субботу отличилась.

Я почувствовала, как неприятно сжался желудок.

— Не знала, что моя жизнь входит в твою школьную программу. И откуда же тебе известно? Дружок твой пожаловался?

— А жизнь Ариса?

Я остановилась на доли секунды.

Луиза заметила это.

И улыбнулась.

— Так всё-таки правда.

— Что именно?

— Ты его поцеловала.

Несколько человек вокруг замедлили шаг.

Я ещё сильнее сжала ремешок сумки.

— И?

Луиза на секунду потеряла уверенность.

— И ты действительно думаешь, что после этого он на тебя посмотрит? Или у него вспыхнут к тебе какие-то чувства? — злобно прорычала она. — Что ты к нему лезешь?

— Луиза, меня мало интересует, что ты думаешь о моих поцелуях.

— Да кто ты вообще такая?

— Девочка, которая пытается дойти до урока обществознания. Не мешай.

Я шагнула в сторону.

Но Луиза преградила ей путь.

— Ты решила, что можешь просто прийти сюда и забрать всё, что тебе понравится?

— Арис не вещь, Луиза. Его нельзя забрать.

На лице Луизы дёрнулся мускул.

— Не произноси его имя.

— А-рис, — отчётливо повторила я с некой издевкой.

Кто-то прыснул со смеху.

И Луиза резко ударила меня!

Звонкая пощёчина разрезала шум коридора. Губа треснула.

На мгновение всё стихло.

Моя резко повернулась в сторону.

Но хуже было другое.

Десятки глаз.

Телефоны, которые уже поднимались над чужими плечами.

Шёпот.

Смех.

Ощущение, будто я снова оказалась маленькой и беспомощной перед целым миром, словно теперь подожгли и мой хвост.

Я медленно повернулась обратно.

Луиза тяжело дышала.

Кажется, даже она не ожидала, что действительно ударит.

— Ну что? — дрожащим голосом спросила Луиза. — Больше нечего сказать?

Я смотрела на неё несколько секунд.

Потом тихо произнесла:

— Поздравляю. Ты только что показала всей школе, кто ты на самом деле.

Луиза побледнела.

— Ты...

— Даже не начинай.

Я хотела уйти.

Но грудь внезапно сдавило.

Сначала немного.

Будто кто-то затянул невидимый ремень вокруг рёбер.

Потом сильнее.

Я вдохнула.

Воздуха оказалось недостаточно.

Нет.

Только не здесь.

Не перед ними.

Я попыталась сделать ещё один вдох, но тот закончился сухим, болезненным кашлем.

— Алиса? — раздался чей-то голос.

Я не ответила. Не могла

Пальцы судорожно полезли в сумку.

Кошелёк.

Телефон.

Тетрадь.

Где же он?

Гребанный ингалятор.

Толпа вокруг внезапно перестала быть просто толпой.

Люди превратились в препятствия.

Чужие голоса слились в один неприятный гул.

— Она что, притворяется? — услышала я голос Луизы сквозь какую-то вату.

И тут же другой, детский, яростный:

— А ты можешь наконец замолчать?! У нее астма!

Амира.

Девочка протиснулась сквозь школьников и оказалась рядом.

— Алиса, посмотри на меня.

Я с трудом подняла голову, разглядела сквозьпеоену детское лицо, я была уже на полу, сидела.

— Ингалятор где?

Я указала на сумку.

Амира быстро нашла его в боковом кармане.

— Вот. Держи.

Я дрожащими руками взяла ингалятор и воспользовалась им так, как её учил врач.

Амира стояла рядом.

— Не толпитесь! — крикнула она школьникам. — Вы что, спектакль смотрите?!

Кто-то побежал за учителем.

Я прислонилась к стене, стараясь не поддаваться панике.

Дыхание постепенно начало выравниваться, хотя грудь

всё ещё неприятно болела.

Амира достала телефон.

— Кому ты звонишь? — с трудом спросила я хриплым голосом.

— Человеку, который меня убьёт, если я не позвоню.

— Нет...

Но было поздно.

— Арис? — быстро заговорила Амира. — Ты должен приехать. Сейчас.

11:14.

Арис появился в школе через двадцать минут.

Без привычной ухмылки.

Без неспешной походки.

С таким выражением лица, что даже школьники, собравшиеся возле лестницы, инстинктивно расступились.

Первой он увидел Амиру.

— Где она?

— У медсестры. Ей уже лучше.

— Что произошло?

Амира скрестила руки на груди.

— Луиза Ким ударила её перед всеми. Потом у Алисы начался приступ.

Арис медленно повернул голову.

— Кто?

— Ты прекрасно слышал.

Он сделал шаг к лестнице, но Амира схватила его за ру-

кав.

— Арис.

— Что?

— Не делай глупостей.

Он посмотрел на сестру.

И впервые за весь день она испугалась не за Алису.

А за того, кто окажется перед её братом.

— Я просто поговорю, — холодно сказал он.

— Вот этого я и боюсь.

Арис осторожно убрал её руку.

— Иди на урок.

Луизу он нашёл возле кабинета директора.

Её уже вызвали разбираться в произошедшем.

Увидев Ариса, она мгновенно выпрямилась.

— Арис...

— Ты её ударила?

Никаких приветствий.

Никаких лишних слов.

Луиза заморгала.

— Послушай, она сама меня спровоцировала...

— Я спросил, ты её ударила?

— Да, но...

— Тогда слушай внимательно.

Он подошёл ближе.

Не касаясь её.

Даже не повышая голоса.

— Ещё раз тронешь Алису — и я лично прослежу, чтобы об этом узнали твои родители, директор и каждый человек, перед которым ты так любишь изображать идеальную девочку.

— Ты защищаешь её?

Арис усмехнулся.

Но улыбка вышла совершенно безрадостной.

— А тебя это удивляет?

Луиза сжала губы.

— Она просто играет тобой. Ты даже не представляешь...

— Это уже между мной и Алисой.

— Ты пожалеешь.

Арис посмотрел на неё с ледяным спокойствием.

— Возможно. Но точно не из-за тебя.

Он развернулся и ушёл.

***

Я сидела в медицинском кабинете, прижимая к щеке холодный компресс.

Медсестра разрешила мне уйти домой, но я отказалась.

Я не собиралась давать Луизе удовольствие увидеть мое бегство.

Дверь открылась.

— Я же сказала, что со мной всё...

Я подняла глаза.

Арис.

Разумеется.

Потому что вселенная, видимо, окончательно решила надо мной поиздеваться.

Он остановился на пороге.

Посмотрел на мою разбитую губу.

Потом на ингалятор, лежащий рядом.

Лицо его изменилось.

— Кто разрешил тебе входить? — спросила я.

— Удивительно, что это первое, о чём ты решила спросить.

— Удивительно, что ты вообще здесь.

Он закрыл дверь.

— Как ты?

— Великолепно. Пощёчина, приступ астмы и личное появление Его Высочества. Понедельник удался.

Арис не улыбнулся, лишь сдвинул брови.

Это насторожило ещ

ё больше, чем что-либо другое.

— Сильно болит?

— Нет.

— Алиса.

— Немного. Доволен?

Он пододвинул стул, но не сел.

— Почему ты не позвонила мне? Я бы приехал разобрался

Я медленно опустила компресс.

— Прости, что не включила тебя в список экстренных служб.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно, Арис. Мы не разговаривали целое воскресенье. Почему сегодня я должна была тебе звонить?

В кабинете повисла тишина.

Он опустил взгляд.

— Потому что я бы приехал.

Просто.

Без привычной насмешки.

И именно это заставило меня отвернуться.

— Амира рассказала?

— Да.

— Ты попросил её следить за мной?

Он не ответил.

Я усмехнулась.

— Потрясающе.

— Я попросил её присмотреть за тобой.

— Я не ребёнок!

— Я знаю.

— Тогда перестань решать за меня!

Арис резко выдохнул.

— А ты перестань вести себя так, будто тебе никто не нужен!

Я застыла.

Он тоже понял, что сказал лишнее.

— Алиса...

— Уходи.

— Послушай...

— Я сказала, уходи.

Арис несколько секунд смотрел на меня. Я чувствовала его присутствие.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Он дошёл до двери.

Остановился.

— Только одну вещь запомни.

Я молчала.

— То, что я злюсь на тебя, не значит, что мне всё равно, что с тобой происходит.

Дверь закрылась.

Я осталась одна. И это он злится? Человек, который однажды сжег моему Персику хвост ради развлечения?

Я понимаю, что мы были детьми, и он был сложным ребенком, но я не понимаю одного: за что? И Почему именно я?!

Мы никогда не были друзьями, я больше игралась с Саней, а Арис изначально начал все разрушать, лез к нам, видимо ему было обидно, что мы не брали его в наши игры.

И впервые мне за весь день захотелось заплакать.

Не из-за Луизы.

Не из-за боли.

А из-за того, что Арис, кажется, начал понимать меня лучше, чем я сама.

15:47. Кафе «Ваниль».

К концу занятий я была совершенно разбита.

Но отменять смену не собиралась.

Работа в кафе была единственным местом, где всё имело понятный смысл.

Кофе должен быть горячим.

Столики — чистыми.

Заказы — правильными.

А если что-то разбилось, это можно было убрать.

С людьми так не получалось.

— Ты выглядишь так, будто тебя переехал автобус, — заметила Илла, когда я вошла в подсобку.

— Спасибо. Ты умеешь поддержать.

— Я ещё не закончила. Причём автобус сдал назад и переехал тебя повторно.

Я фыркнула.

— Садись, — распорядилась девушка.

— Илла, у меня смена, ты забыла?

— А у меня глаза. И я прекрасно вижу твою лопнувшую губу.

Я замерла.

— Уже все знают?

— Алиса, видео облетело школьные чаты ещё до обеда.

Я закрыла глаза.

— Прекрасно.

Илла присела напротив.

— Я слышала, Луизу вызвали к директору.

— Да.

— И что теперь?

— Понятия не имею. Возможно, ей запретят портить людям жизнь по понедельникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.